

**УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ РАН**

**ФОНД «ИНИЦИАТИВА ПО СОКРАЩЕНИЮ ЯДЕРНОЙ
УГРОЗЫ»**

СОВРЕМЕННЫЕ ЯДЕРНЫЕ ДОКТРИНЫ ГОСУДАРСТВ

**Вступительное слово
академика А.А. Дынкина на конференции
«Современные ядерные доктрины государств»**

**Авторский коллектив:
Алексей Арбатов, Владимир Дворкин,
Сергей Ознобищев**

**Москва
ИМЭМО РАН
2010**

УДК 327.37
ББК 66.4 (0)
Совр 568

Вступительное слово академика А.А.Дынкина на конференции
"Современные ядерные доктрины государств "

Авторский коллектив:
Алексей Арбатов, Владимир Дворкин,
Сергей Ознобищев

Совр 568

Современные ядерные доктрины государств
Авт. коллектив – А.Г. Арбатов., В.З.Дворкин, С.К. Ознобищев,
– М.: ИМЭМО РАН, 2010. – 69 с.

ISBN 978-5-9535-0279-5

Настоящая публикация представляет собой четвертую из серии работ в рамках совместного проекта ИМЭМО РАН и фонда "Инициатива по сокращению ядерной угрозы" ("Nuclear Threat Initiative, Inc" – NTI) под общим титулом: "Россия и глубокое ядерное разоружение". В ее основу легли материалы конференции, состоявшейся 21 октября 2010 г.

Авторы выражают благодарность сотрудникам ИМЭМО РАН за всестороннюю помощь в подготовке исследования и организацию плодотворного обсуждения. Данное исследование подготовлено в рамках Проекта по ядерной безопасности (NSP) при поддержке NTI. Дополнительную информацию можно получить на сайте NSP <http://nuclearsecurity.org> Представленные в данной работе взгляды принадлежат авторам и не отражают позиции ИМЭМО или NSP.

Modern Nuclear Doctrines

This is the fourth publication of the series titled "Russia and the Deep Nuclear Disarmament", which is to be issued in the framework of joint project implemented by the Institute of World Economy and International Relations (IMEMO) and the Nuclear Threat Initiative, Inc. (NTI). It is based on the discussions at the conference held on October 21, 2010.

The authors express their gratitude to the IMEMO staff for comprehensive support in the production of this research paper and organization of the fruitful discussion. This research report was commissioned by the Nuclear Security Project (NSP) of the Nuclear Threat Initiative (NTI). For more information see the NSP website at <http://www.nuclearsecurity.org>. The views expressed in this paper are entirely the authors' own and not those of the IMEMO or NSP.

Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте <http://www.imemo.ru>

ISBN 978-5-9535-0279-5

© ИМЭМО РАН, 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ДИРЕКТОРА ИМЭМО РАН, АКАДЕМИКА А.А. ДЫНКИНА.....	4
КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ.....	8
ВВЕДЕНИЕ.....	13
1. ОБЗОР ЯДЕРНОЙ ПОЛИТИКИ США 2010 г. Выступление руководителя группы по внешней и военной политике посольства США в РФ Д. Силберберга в ИМЭМО РАН 21 октября 2010 г	17
2. ЯДЕРНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ.....	25
3. ЭВОЛЮЦИЯ ЯДЕРНОЙ ДОКТРИНЫ НАТО.....	33
4. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЯДЕРНЫХ ДОКТРИН СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВ.....	48
ВЫВОДЫ.....	60
ПРИЛОЖЕНИЕ 1 ТАБЛИЦА. Варианты ядерной доктрины. Роль ядерного оружия.....	65
ПРИЛОЖЕНИЕ 2 Принятые сокращения.....	66
ПРИЛОЖЕНИЕ 3 Список участников заседания, состоявшегося 21 октября 2010 г. в ИМЭМО РАН.....	68

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

директора ИМЭМО РАН, академика А.А. Дынкина

Прежде всего, хочу приветствовать всех участников этой конференции, которая завершает годичный цикл форумов по тематике глубокого ядерного разоружения в рамках совместного проекта ИМЭМО–NTI. Наша четвертая конференция посвящена весьма важной, сложной и интересной проблеме – эволюции современных ядерных доктрин государств, обладающих ядерным оружием.

Если бы мы работали согласно хрестоматиям военных академий, то с этой темы нужно было бы начать упомянутое выше исследование по логике: военные доктрины – стратегия и оперативное планирование – военная политика и военное строительство – переговоры по разоружению и нераспространению вооружений – сотрудничество в развитии систем оружия и применении военной силы.

Но наша работа с самого начала была приближена к реальной политике и практическим задачам укрепления безопасности. Поэтому в первую очередь обсуждались другие военно-политические и военно-технические проблемы, хотя тема ядерных доктрин так или иначе присутствовала во всех предыдущих дискуссиях. Тем не менее, завершая проект 2010 г., мы не могли не уделить специальное внимание этой теме.

Известно, что военные доктрины государств, включая ядерные концепции, имеют как внешнее, так и внутреннее измерение. Обращаясь вовне, они служат предупреждением потенциальным противникам о том, какие их действия могут привести к применению данным государством силы, в том числе ядерного оружия (ЯО). Одновременно это и гарантия защиты союзников от тех или иных угроз.

Поскольку реальное применение ЯО считается маловероятным ввиду его чудовищных разрушительных

последствий, постольку официальные заявления по этому поводу стали главным образом элементом внешней политики государств. Недаром часто приходится слышать от военных и дипломатов, что ядерное оружие – это «не военное, а политическое оружие». Вопрос этот – в высшей степени дискуссионный, что не отменяет большую важность ядерных доктрин как инструмента внешней политики.

Внутренняя сторона доктрин призвана показать народу, что государство заботится о его защите от внешних врагов и не зря тратит значительные средства на оборону. Наконец, в той или иной мере доктрины дают установку армии и военной промышленности относительно вероятности и характера будущих войн, о целях и задачах участия в них вооруженных сил, о программах их боевой подготовки и технического оснащения.

Ключевым вопросом ядерной доктрины является то, в каких условиях государство готово применить ЯО. Особенно важно, когда и каким образом допускается применение этого оружия первыми, поскольку с такого акта, собственно, начинается ядерная война.

Понятно, что декларативные заявления государств о том, против кого и при каких условиях они готовы применить ЯО, вовсе не обязательно полностью соответствуют реальным оперативным планам и военно-техническим возможностям осуществления таких действий. Например, обязательство СССР от 1982 г. о неприменении первым ядерного оружия было встречено с недоверием за пределами ОВД и стран – партнеров Советского Союза. Точно так же сейчас аналогичные официальные декларации КНР подвергаются сомнению со стороны мирового сообщества, а кредитоспособность нынешней доктрины России в части первого применения ЯО тоже нередко ставится под сомнение на экспертном уровне, в первую очередь, внутри страны.

Тем не менее эти официальные позиции государств, именно ввиду их огромной политической «нагрузки», имеют большое значение в силу ряда причин.

Во-первых, они определяют отношение государств к месту ЯО в обеспечении национальной безопасности,

обороноспособности, в осуществлении внешней политики. Это свидетельствуют о роли такого оружия в поддержании статуса и престижа государства в мире.

Во-вторых, доктрины оказывают большое воздействие на отношение неядерных стран к вопросу обретения ЯО или отказа от него. То есть это имеет значение для политики нераспространения ядерного оружия. Недаром на каждой обзорной и подготовительной конференции по ДНЯО – а начиная с 1978 г. на каждой ежегодной Генеральной Ассамблее ООН – принимаются резолюции по так называемым негативным гарантиям безопасности для неядерных государств. Эти гарантии предполагают отказ от применения ядерного оружия против неядерных стран. Но ядерные державы каждый раз включают в такие обязательства столько исключений, что, по сути, лишают их конструктивного содержания.

В-третьих, эта часть доктрины оказывает влияние на стратегическую стабильность, поскольку она связана с вероятностью и возможностью нанесения первого ядерного удара.

В-четвертых, ядерные доктрины имеют косвенное отношение к перспективам ядерного разоружения и продвижения к миру, свободному от ядерного оружия (согласно обязательству держав по знаменитой ст. VI ДНЯО). Ведь по логике вещей при ориентации государства только на ответный ядерный удар, можно отказаться от ЯО при условии отказа от него других стран. Если допускается первый (превентивный) ядерный удар, то перспективы ядерного разоружения гораздо более проблематичны.

В свою очередь, и это, в-пятых, доктрины через их влияние на ход дел в сфере ядерного разоружения опосредованно воздействуют на режим нераспространения ЯО. Значит, и с этого «портала» доктрины оказывают определенное влияние на положение дел в области национальной и международной безопасности.

Ренессанс идеи ядерного разоружения, начавшийся со знаменитой статьи четырех авторитетных американских

деятелией ¹, вновь по логике вещей выдвинул проблему неприменения ЯО первыми на передний план международной дискуссии.

Образованная по инициативе Австралии и Японии Международная комиссия по ядерному нераспространению и разоружению под председательством бывших министров иностранных дел двух стран Г. Эванса и Ю. Кавагучи в свою очередь подчеркивала в опубликованном в 2009 г. докладе: «В отношении доктрины, до тех пор пока ядерное оружие в конце концов не уничтожено, Комиссия предпочла бы, чтобы каждое ядерное государство выступило с ясным и недвусмысленным заявлением о "неприменении первым"... сохраняя ядерное оружие только для применения или угрозы применения в целях возмездия в ответ на ядерный удар по себе или своим союзникам. ... Это было бы декларацией в том духе, что единственной целью обладания ядерным оружием является сдерживание применения такого оружия против своего государства или своих союзников»².

Однако до настоящего времени ядерные государства, за редкими и проблематичными исключениями, не приняли такого обязательства. Все это свидетельствует и о важности, и о сложности темы.

Благодарю всех присутствующих за участие в конференции и особо – представителя посольства США, г-на Д.Силберберга, который любезно согласился представить нам американскую точку зрения.

Желаю конференции успеха.

¹ См.: Shultz G.P., Perry W.J., Kissinger H.A., Nunn S. A World Free of Nuclear Weapons// The Wall Street Journal. January 4. 2007.

² Eliminating Nuclear Threats. A Practical Agenda for Global Policymakers. G. Evans and Y. Kawaguchi co-chairs. Report of the International Commission on Nuclear Non-Proliferation and Disarmament. Paragon, Canberra, 2009. P. 172–173.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Военные доктрины государств, включая их ядерный аспект, как правило, имеют двоякую природу. С одной стороны, они являются руководством к действию для своих вооруженных сил и оборонного комплекса, определяя характер и степень вероятности возможных войн и конфликтов, цели и задачи собственных военных действий, необходимые для них принципы боевой подготовки и программы технического оснащения армии и флота. С другой стороны, доктрины являются «посланием» другим странам, как вероятным противникам, так и союзникам, и содержат предупреждение первым и гарантии вторым, объясняя при каких условиях и каким образом государство готово пойти на применение военной силы. Накопление ядерного оружия в годы холодной войны повлекло осознание неприемлемости его широкомасштабного применения. Это поставило на приоритетное место содержания доктрин определение путей сдерживания противников от использования ядерного оружия (ЯО), то есть предотвращения ядерной войны как в результате преднамеренного нападения, так и в итоге эскалации военных действий с применением других вооружений и сил.

6 апреля 2010 г. был опубликован Обзор ядерной политики США. В нем в общих чертах изложен подход администрации Барака Обамы к осуществлению выдвинутой президентом США "пражской повестки дня" по уменьшению ядерной опасности и продвижению к миру, свободному от ядерного оружия.

В основе анализа и выводов, представленных в этом документе, лежат изменившиеся и меняющиеся условия международной безопасности. Учитывались несколько ключевых факторов: ядерное распространение и ядерный терроризм, представляющие наиболее серьезную угрозу на

сегодняшний день; необходимость преодоления в отношениях с другими ядерными державами, в особенности Россией и Китаем, антагонизма, оставшегося в наследие от холодной войны; существенный рост потенциала обычных вооружений США и совершенствование систем противоракетной обороны.

Согласно новому американскому документу, роль ядерного оружия состоит в сдерживании ядерного нападения на США, союзников и партнеров Вашингтона. Обязательство о неприменении первыми ядерного оружия, однако, не относится к ядерным державам и странам, нарушающим ДНЯО. США сохраняют вариант ядерного ответа при нападении на их союзников с использованием обычного оружия или других видов ОМУ.

В современной российской Военной доктрине порядок применения ЯО определен следующим образом: «Российская Федерация оставляет за собой право применить ядерное оружие в ответ на применение против нее и (или) ее союзников ядерного и других видов оружия массового поражения, а также в случае агрессии против Российской Федерации с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства».

По сравнению с предыдущей официальной российской Военной доктриной от 2000 г., обращает на себя внимание более сдержанная, консервативная трактовка возможности первого применения ЯО в ответ на агрессию с использованием обычного оружия.

Следует, однако, констатировать, что в целом представление о ядерной политике России во всех трех, начиная с 1993 г., военных доктринах носит фрагментарный характер и не дает возможности оценить ее в достаточно полном и законченном виде. Все эти положения должны отражаться в принимаемых государственных программах вооружения, но они традиционно имеют высокий гриф секретности. Принципы ядерного сдерживания, которых придерживается РФ, и основной инструмент этих принципов – стратегические и нестратегические ядерные силы, их состояние и перспективы развития, требует более высокой степени прозрачности. Это особенно важно в условиях договорных

отношений с США по сокращениям стратегических наступательных вооружений (СНВ), по возможным консультациям об ограничении нестратегических ядерных вооружений, по сотрудничеству в сфере ПРО.

Китай – единственная из великих держав, которая на официальном уровне имеет обязательство о неприменении ЯО первым, причем безо всяких оговорок. Обычно считается, что ядерная держава, принявшая обязательство о неприменении ЯО первой, опирается на концепцию и средства ответного (второго) удара. Однако, по общепринятым оценкам, китайские стратегические ядерные силы (СЯС), равно как и системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН), инфраструктура пунктов боевого управления и связи слишком уязвимы, чтобы обеспечить возможность ответного удара после гипотетического разоружающего ядерного удара США или России.

Исходя из этих соображений, эксперты рассматривают официальную доктрину КНР как преимущественно политико-пропагандистский инструмент (вроде советского обязательства о неприменении ЯО первым от 1982 г.), не отражающий реального оперативного планирования СЯС, которые в действительности нацелены на упреждающий удар.

В работе приводится систематизация ядерных доктрин по критерию использования ЯО в ответном (втором) ударе после ядерного нападения противника. Также проводится анализ и «ранжирование» государств по их готовности к первому применению ядерного оружия.

Кроме того, углубленному анализу подвергается диапазон ядерных задач. На основе сделанного анализа выделяется пять основных задач в различных комбинациях, которые в военно-политическом плане те или иные страны связывают с ядерным оружием: (1) престиж и статус в мировой политике (все восемь ядерных государств, кроме Израиля); (2) предотвращение ядерного нападения (ныне все восемь стран, возможно, за исключением Израиля); (3) сдерживание и парирование нападения с использованием других видов вооружений и вооруженных сил (шесть государств, кроме КНР и, с оговорками, США и Индии); (4) гарантии безопасности и

влияние на союзников (Россия, США, Великобритания и Франция); (5) «козырь» для размена на уступки других стран на переговорах по иным темам (Россия, КНДР, в будущем, возможно, Израиль).

Вышедшая в конце ноября 2010 г. новая Стратегическая концепция (СК) НАТО не оправдала оптимистичных ожиданий многих экспертов. Новый документ по-прежнему декларирует приверженность альянса традиционному ядерному сдерживанию в качестве основы безопасности с полным сохранением ядерных гарантий со стороны США. Более того, в «ядерной части» СК практически нет ничего нового – почти все положения, связанные с ядерным оружием, представлены в тех же выражениях, как и в СК 1999 г. Создается впечатление, что в связи с ростом числа членов альянса внутри НАТО не удалось выработать консенсуса для принятия новых формулировок в вопросах ядерного оружия, что и предопределило их сохранение в прежнем виде.

Более новаторскому подходу при подготовке данного документа мешал ряд факторов.

Во-первых, отношения России со странами Запада и, особенно, с НАТО носили и в 90-е и в начале 2000-х годов весьма нестабильный характер. Это препятствовало созданию устойчивой положительной тенденции в отношениях, которая оказала бы заметное воздействие на лексику изданий Стратегической концепции последних десятилетий – 1991, 1999 и 2010 гг.

Во-вторых, на протяжении всего этого времени в отношениях Запада и России в значительной степени проявлялись «остаточные» элементы времен холодной войны.

В-третьих, политические элиты новых членов НАТО не смогли расстаться со своими фобиями в отношении России, которые укоренились в отношениях с Москвой постсоветского периода. Ситуация может быть исправлена только на путях практического сотрудничества – как намеченного ранее, так и обозначенного во время саммита Россия–НАТО в Лиссабоне в ноябре 2010 г.

Все более широкое признание получает идея безъядерного мира. Без продвижения к этой цели будет

невозможно остановить распространение ЯО, получение к нему доступа террористами, достичь соглашений в других военных сферах.

Не вызывает сомнения необходимость кардинальной трансформации наследия холодной войны в ядерных стратегиях, гораздо более активное, чем сейчас, объединение усилий в борьбе против новых вызовов и угроз.

ВВЕДЕНИЕ

В очередной работе проекта в рамках общей темы «Россия и глубокое ядерное разоружение» рассматривается широкий спектр проблем, связанных с современными ядерными доктринами государств. Эволюция политической ситуации в мире, позитивные изменения, происходящие в отношениях между ядерными державами, укрепление международной безопасности должны были бы повлечь за собой и адекватные изменения в ядерных доктринах государств.

Этого, однако, не происходит, по крайней мере, в тех масштабах, которых требуют новые политические отношения и задачи сотрудничества в борьбе с новыми угрозами XXI в. В основе ядерных доктрин по-прежнему лежит взаимное ядерное сдерживание. Один из парадоксов ситуации в сфере безопасности состоит в том, что этот принцип провозглашается в программных документах России и США, лидеры которых заявляют о построении партнерских отношений как о цели своих отношений. При этом сдерживание не может обезопасить государства от таких действительно актуальных и растущих угроз, какими являются распространение ядерного оружия и терроризм. Трагическим проявлением этого можно считать повлекший за собой массовые жертвы акт «катастрофического терроризма» 11 сентября 2001 г., успешно предпринятый против самой мощной ядерной державы современности.

Серьезному учету в доктринальных положениях происходящих позитивных изменений в мире мешает ряд факторов. Среди них приоритетное место занимает нестабильный характер развития политических отношений между Россией и Западом. Весьма чувствительными оказывались и политические просчеты, недальновидность

отдельных политических инициатив обеих сторон. Нельзя сбрасывать со счетов и ментальность холодной войны, с которой трудно расстаться поколению руководителей, становление которых происходило в годы этой войны. Проявляются конъюнктурные соображения ряда политических сил, для которых нагнетание напряженности стало частью их политического кредо. Все это создавало условия для сохранения в военных доктринах государств весьма противоречивых положений в трансформации взглядов на ядерное оружие.

Военные доктрины государств в целом и их ядерная составляющая рассчитаны на два направления воздействия. Они должны учитываться руководством собственных вооруженных сил и оборонного комплекса, определяя характер и степень вероятности возможных войн и конфликтов, цели и задачи собственных военных действий, необходимые для них принципы боевой подготовки и программы технического оснащения армии и флота. В то же время эти доктрины рассчитаны на их восприятие другими странами – как вероятными противниками, так и союзниками – и содержат предупреждение первым и гарантии вторым, объясняя при каких условиях и каким образом государство готово пойти на применение военной силы.

Накопление ядерного оружия в годы холодной войны повлекло за собой осознание неприемлемости его широкомасштабного применения. Это поставило на приоритетное место содержания доктрин определение путей сдерживания противников от использования ядерного оружия (ЯО), то есть предотвращения ядерной войны, которая может последовать как в результате преднамеренного нападения, так и в итоге эскалации военных действий с применением других вооружений и сил.

Наиболее рельефно и в то же время достаточно противоречиво роль ядерного оружия рассматривается в военных доктринах США и России. Этому в настоящей работе посвящены отдельные части. Особый интерес представляет доклад руководителя группы по внешней и военной политике Посольства США в РФ Д. Силберберга, сделанный им на

прошедшей 21 октября 2010 г. конференции в ИМЭМО РАН и посвященный новой ядерной политике США.

В современных условиях, когда реальное применение ядерного оружия оценивается как крайне маловероятное событие, обладание ядерным потенциалом приобретает все больший политический и статусный смысл. Однако сохраняются и определенные военные задачи, которые военнополитическое руководство, все же ставит перед ядерным оружием. Углубленному анализу этих задач посвящена отдельная глава данной работы.

Для экспертов и политиков, стремящихся к радикальному улучшению ситуации в сфере международной безопасности, очевидно, что необходима глубокая ревизия доктринального комплекса, связанного с ядерным оружием. Долгосрочным интересам России (а также Китая) отвечает переход к более высокой степени прозрачности. Это позволит более точно судить о принципах ядерного сдерживания, которых придерживается РФ, и основном инструменте этих принципов – стратегических и нестратегических ядерных силах, их состоянии и перспективах развития. Такой переход особенно важен в условиях договорных отношений с США по сокращению СНВ, возможным консультациям об ограничении нестратегических ядерных вооружений, сотрудничеству в сфере ПРО, что непосредственно отражается и на возможностях дальнейших сокращений ядерного оружия.

Как отмечается в статье четырех известнейших российских деятелей, «парадокс ядерного сдерживания состоит в том, что оно по большей части обращено к угрозам прошлого века, в то время как вероятность крупномасштабного вооруженного конфликта между великими державами и их союзниками в современных условиях глобализации и многополярности близка к нулю... Вместе с тем ядерное сдерживание бессильно против новых угроз XXI века: распространения оружия массового уничтожения (ОМУ) и средств его доставки, международного терроризма, этнических и религиозных конфликтов, трансграничной преступности и пр. Хуже того, ядерное сдерживание в ряде случаев подстегивает процессы распространения ОМУ и ракетных

технологий или мешает более глубокому сотрудничеству великих держав в борьбе с такими угрозами (совместное развитие систем ПРО)»³.

Без постепенной трансформации и, в конечном итоге, упразднения взаимного ядерного сдерживания, включая его идеологию, невозможен переход к полноценному сотрудничеству и партнерству между Россией и другими ядерными державами, консолидация усилий по противодействию новым реальным угрозам международной безопасности.

³ Примаков Е., Иванов И., Велихов Е., Моисеев М. От ядерного сдерживания к общей безопасности// Известия. 15.10.2010 (<http://www.izvestia.ru/politic/article3147325>).

1. ОБЗОР ЯДЕРНОЙ ПОЛИТИКИ США 2010 г.

Выступление руководителя группы по внешней и военной политике Посольства США в РФ Д.Силберберга в ИМЭМО РАН 21 октября 2010 г

6 апреля 2010 г. был опубликован Обзор ядерной политики США. В нем в общих чертах изложен подход американской администрации к осуществлению выдвинутой президентом США «пражской повестки дня» по уменьшению ядерной опасности и укреплению мира и безопасности в мире, свободном от ядерного оружия. В этом обзоре намечены шаги, необходимые для сохранения безопасного, надежного и эффективного потенциала ядерного сдерживания до тех пор, пока в мире существует ядерное оружие.

Это третий всесторонний обзор ядерной политики и потенциала США после окончания холодной войны. Документ был подготовлен благодаря тесному сотрудничеству и консультациям между несколькими ведомствами: Министерством обороны, Государственным департаментом и Министерством энергетики США. В работе над ним принял непосредственное участие и сам президент, который давал четкие указания относительно того, что заслуживает первоочередного внимания. Благодаря этому Обзору, во главу угла в котором поставлена необходимость противодействовать таким наиболее неотложным современным вызовам в области безопасности, как ядерное распространение и ядерный терроризм, ядерная политика и потенциал США будут в большей степени соответствовать сложившимся условиям в области безопасности.

В Обзоре заложена стратегическая основа комплексного подхода к этим вызовам. 8 апреля 2010 г. в Праге президент подписал новый Договор СНВ, 12–13 апреля в Вашингтоне состоялся саммит по ядерной безопасности, а 3 мая в Нью-

Йорке открылась Конференция государств – участников Договора о нераспространении ядерного оружия по рассмотрению действия Договора. В ходе работы над Обзором Вашингтон вел широкие консультации с нашими союзниками и партнерами. США будут тесно сотрудничать с ними и в осуществлении этого документа.

В основе анализа и выводов, представленных в Обзоре, лежат изменившиеся и меняющиеся условия международной безопасности. Учитывались несколько ключевых факторов: во-первых, ядерное распространение и ядерный терроризм, представляющие на сегодняшний день наиболее серьезную угрозу в ядерной области; во-вторых, необходимость преодоления антагонизма, оставшегося нам в наследие со времен холодной войны, несмотря на сложность сохранения стратегической стабильности в отношениях с другими ядерными державами, в особенности с Россией и Китаем; в-третьих, не имеющий себе равных рост потенциала обычных вооружений США, а также значительное совершенствование систем противоракетной обороны от региональных угроз.

Эти перемены в условиях ядерной угрозы изменили приоритетность вопросов, вызывающих обеспокоенность в ядерной сфере, и стратегических задач. В предстоящие годы мы должны, в первую очередь, не поощрять новые страны к развитию ядерного потенциала и не допустить, чтобы в руки террористических групп попали атомные бомбы или материалы для их изготовления.

В то же время мы должны продолжать поддерживать стабильные стратегические отношения с Россией и Китаем. Кроме того, мы должны наращивать потенциал для сдерживания региональных угроз, укрепляя уверенность наших союзников и партнеров в том, что мы по-прежнему твердо привержены обеспечению их защиты.

Выполнение этих задач возможно при меньшей роли ядерного оружия и существенно более низких уровнях ядерных сил, чем это было в прошлом. Поэтому теперь, даже при укреплении потенциала сдерживания и подтверждении гарантий, мы можем формулировать свою стратегию в сфере ядерного оружия и структуры ядерных сил таким образом,

чтобы более эффективно решать наши наиболее неотложные проблемы безопасности.

Выводы и рекомендации, содержащиеся в Обзоре, ориентированы на решение пяти политических задач.

Первая из них – предотвращение ядерного распространения и ядерного терроризма. Для этого в Обзоре предлагается:

- возглавить международные усилия по укреплению режима ядерного нераспространения, в том числе путем восстановления жизнеспособности Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), укрепления Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ), содействия ратификации и вступлению в силу Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), Договора о запрещении производства расщепляющихся материалов (ДЗПРМ), и, конечно, путем содействия ратификации и выполнению нового Договора СНВ;

- активизировать усилия в области ядерной безопасности, в том числе увеличив в 2011 фин. г. ассигнования Министерству энергетики на программы в области ядерного нераспространения до 2,7 млрд. долл., то есть более чем на 25%;

- активизировать усилия, направленные на реализацию инициативы президента Обамы, призванной обеспечить надежную охрану всех уязвимых ядерных материалов в мире в течение четырех лет и расширить наши возможности по идентификации и блокированию ядерных материалов;

- создать национальную программу исследований и разработок для обеспечения неуклонного продвижения к миру без ядерного оружия, в том числе активизировать разработку технологий контроля и мер транспарентности.

Вместе с тем Обзор является недвусмысленным подтверждением того, что США твердо намерены выполнить свои обязательства по ДНЯО, в том числе обязательства в соответствии со ст. VI.

Кроме того, администрация США вновь подтвердила обязательство США привлечь к ответственности любое государство, террористическую группировку или другую

негосударственную структуру, которые поддерживают террористов, способствуют их усилиям в попытках получить доступ к ОМУ или использовать его и с этой целью оказывают им помощь, финансируют их или предоставляют им профессиональные знания или убежище для осуществления подобных действий.

Вторая задача – это уменьшение роли американского ядерного оружия. С момента окончания холодной войны США удалось уменьшить роль ядерного оружия в сдерживании неядерного удара против США, их партнеров и союзников. Однако сегодня США считают возможным и необходимым предпринять дополнительные шаги. Важнейшая задача американского ядерного оружия состоит в сдерживании ядерного удара против США, их союзников и партнеров. Соединенные Штаты будут рассматривать возможность применения ядерного оружия лишь в чрезвычайных ситуациях для защиты жизненно важных интересов своей страны, а также союзников и партнеров.

Американская администрация подтверждает ранее данные Вашингтоном в связи с ДНЯО «негативные гарантии безопасности», заявляя, что Соединенные Штаты не будут угрожать ядерным оружием или использовать ядерное оружие в отношении безъядерных государств – участников ДНЯО, соблюдающих свои обязательства по нераспространению.

Недавно подготовленный Четырехлетний обзор Министерства обороны и Обзорный доклад о состоянии противоракетной обороны предполагают направление дополнительных средств на укрепление потенциала сдерживания при уменьшении роли ядерного оружия, что включает ассигнования на системы ПРО, потенциал по борьбе с ОМУ и потенциал других обычных вооружений. Одной из задач этих ассигнований является содействие созданию условий, в которых по прошествии определенного времени и после активных консультаций с союзниками и партнерами США смогут объявить, что единственной функцией их ядерного оружия является сдерживание ядерного удара.

Третья задача состоит в обеспечении стратегического сдерживания и стабильности при снижении уровня ядерных

вооружений. Администрация США принимает на себя обязательство продолжать процесс сокращения ядерных арсеналов времен холодной войны и осуществлять такие сокращения совместно с Россией таким образом, чтобы способствовать сохранению стратегической стабильности при более низких уровнях сил. Важным шагом в выполнении этой задачи является новый Договор СНВ.

В Обзоре определены некоторые руководящие принципы для американских переговорщиков относительно того, какие целевые показатели будут отвечать требованиям обеспечения стратегической стабильности. Теперь, когда Договор согласован, мы будем добиваться его скорейшей ратификации Сенатом. США и Россия договорились сократить свои ядерные арсеналы до уровня в 1550 засчитываемых стратегических боезарядов, 700 развернутых стратегических средств доставки и 800 развернутых и неразвернутых стратегических пусковых установок. В соответствии с новым Договором СНВ, США сохраняют свою ядерную триаду и демонтируют со своих межконтинентальных баллистических ракет разделяющиеся головные части индивидуального наведения (МБР РГЧ ИН), оставляя на них лишь по одному боезаряду в целях укрепления стратегической стабильности.

США стремятся к продолжению диалога с Россией о дальнейших дополнительных сокращениях с целью ограничения не только стратегических, но и нестратегических, а также развернутых и неразвернутых вооружений обеих сторон. Кроме того, США стремятся начать диалог высокого уровня с РФ и Китаем в интересах обеспечения отношений большей стабильности и транспарентности. С Россией такой диалог включает дальнейшие двусторонние сокращения и меры по повышению стабильности и укреплению взаимного доверия. Цель такого диалога с Китаем – определение места встреч и механизма для того, чтобы каждая сторона могла изложить свою точку зрения относительно стратегии, политики и программ по ядерному оружию и другим стратегическим возможностям другой стороны.

Четвертая задача состоит в укреплении регионального сдерживания и подтверждении гарантий союзникам и

партнерам США. В Обзоре отражено твердое намерение Соединенных Штатов укреплять сдерживание в отношении всего спектра угроз XXI в. В частности, необходимо укрепить потенциал для сдерживания региональных субъектов, стремящихся получить доступ к ядерному оружию в нарушение своих договорных обязательств, не считаясь с мнением международного сообщества.

Как отмечается в Обзоре, существует много путей укрепления сдерживания, и большинство из них не связаны с ядерным оружием. Американская администрация обязуется сотрудничать с союзниками и партнерами США в деле обеспечения безопасности в интересах укрепления регионального сдерживания путем наращивания потенциалов обычных вооружений, развертывания систем противоракетной обороны и совершенствования потенциала по противодействию ОМУ.

Однако до тех пор, пока для сил США и их союзников сохраняется ядерная угроза, в этой архитектуре региональной безопасности должен оставаться ядерный компонент. В Обзоре отражен ряд решений в поддержку этого обязательства, в том числе решение о модернизации средств передового базирования ядерного оружия США на тактических истребителях-бомбардировщиках, а также тяжелых бомбардировщиках и об осуществлении полномасштабной программы продления срока службы связанных с ними бомб В-61. Это не предопределяет решений, которые может принять НАТО в будущем и которые принимаются на основе консенсуса в рамках НАТО.

После тесных консультаций с союзниками мы снимем с вооружения крылатые ракеты морского базирования с ядерными боезарядами (TLAM-N). Мы сохраняем способность увеличить охват "ядерного зонтика" с помощью передового развертывания истребителей-бомбардировщиков и бомбардировщиков, а также американских МБР и баллистических ракет подводных лодок (БРПЛ). Мы продолжим тесные консультации с нашими союзниками и партнерами для обеспечения надежности и эффективности осуществляемого США сдерживания в будущем.

Пятой задачей является поддержание безопасного, надежного и эффективного ядерного арсенала. Как заявил президент, мы будем сохранять физически защищенный, безопасный и эффективный ядерный арсенал до тех пор, пока существует ядерное оружие. Решения Соединенных Штатов в отношении управления запасами такого оружия в будущем будут приниматься на основе нескольких основных принципов.

США не будут проводить ядерные испытания и будут добиваться ратификации и вступления в силу Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний.

США не будут разрабатывать новых ядерных боеголовок. Программы продления срока службы (ПСС) будут использовать только ядерные компоненты, уже ранее прошедшие испытания, и не будут поддерживать выполнение новых военных задач или обеспечивать создание нового военного потенциала.

США изучат варианты обеспечения безопасности, сохранности и надежности ядерных боеголовок по каждому отдельному случаю в соответствии с одобренной Конгрессом Программой управления ядерным арсеналом. Будет рассмотрен полный спектр предусмотренных Программой ПСС подходов: восстановление существующих боеголовок, повторное использование ядерных компонентов из других боеголовок и замена ядерных компонентов.

В программах продления срока службы боеголовок США будут, в первую очередь, отдавать предпочтение вариантам, предполагающим восстановление или повторное использование этих боеголовок. Замена ядерных компонентов будет осуществляться, только если основные задачи, поставленные в Программе управления ядерным арсеналом, не смогут быть достигнуты другим путем и при условии наличия специальной санкции президента и утверждения Конгрессом.

США будут модернизировать ядерную оружейную инфраструктуру и поддерживать соответствующую научно-техническую и инженерную базу, увеличив в 2010 фин. г. соответствующее финансирование на 13%. Такие инвестиции имеют принципиальное значение для решения проблем старения нашей ядерной инфраструктуры, сохранения

потенциала сдерживания и наращивания наших усилий по борьбе с ядерным распространением и ядерным терроризмом. Кроме того, они помогут Соединенным Штатам уничтожить большое количество неразвернутых боезарядов, в настоящее время хранящихся в качестве технического запаса.

Наконец, в Обзоре отмечена важность привлечения и сохранения "человеческого капитала", необходимого министерствам обороны и энергетики для выполнения стоящих перед ними ядерных задач, и предлагается наращивать нынешние усилия в этой области.

2. ЯДЕРНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ

Официальное изложение фрагментов российской ядерной политики содержится в новой «Военной доктрине Российской Федерации», утвержденной президентом Д.Медведевым 5 февраля 2010 г., и в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.», утвержденной президентом России 12 мая 2009 г.

В Военной доктрине ядерные угрозы, роль, цели и задачи ядерной политики упоминаются в большинстве ее разделов. Отмечено, в частности, что, несмотря на снижение вероятности развязывания против России крупномасштабной войны с применением обычных средств поражения и ядерного оружия, на ряде направлений военные опасности РФ усиливаются. Угрозу представляют создание и развертывание систем стратегической противоракетной обороны, подрывающих глобальную стабильность и нарушающих сложившееся соотношение сил в ракетно-ядерной сфере, а также милитаризация космического пространства, развертывание стратегических неядерных систем высокоточного оружия, распространение оружия массового поражения, ракет и ракетных технологий, увеличение количества государств, обладающих ядерным оружием. К угрозам относятся также попытки воспрепятствовать работе систем государственного и военного управления, нарушение функционирования стратегических ядерных сил, систем предупреждения о ракетном нападении, контроля космического пространства, объектов хранения ядерных боеприпасов, атомной энергетики, атомной, химической промышленности и других потенциально опасных объектов.

Отмечено, что в случае возникновения военного конфликта с применением обычных средств поражения (крупномасштабной войны, региональной войны), ставящего

под угрозу само существование государства, обладание ядерным оружием может привести к перерастанию такого военного конфликта в ядерный военный конфликт. Поэтому ядерное оружие будет оставаться важным фактором предотвращения возникновения ядерных военных конфликтов и военных конфликтов с применением обычных средств поражения, а недопущение ядерного конфликта, как и любого другого военного конфликта, является важнейшей задачей Российской Федерации.

В связи с этим к основным задачам России по сдерживанию и предотвращению военных конфликтов относится «поддержание стратегической стабильности и потенциала ядерного сдерживания на достаточном уровне». Условие использования ядерного оружия заключается в том, что, как изложено в Военной доктрине, «Российская Федерация оставляет за собой право применить ядерное оружие в ответ на применение против нее и (или) ее союзников ядерного и других видов оружия массового поражения, а также в случае агрессии против Российской Федерации с применением обычного оружия, когда под угрозой поставлено само существование государства»⁴.

Для этого ставится задача по поддержанию состава, состояния боевой и мобилизационной готовности и подготовки стратегических ядерных сил, сил и средств, обеспечивающих их функционирование и применение, а также систем управления на уровне, гарантирующем нанесение заданного ущерба агрессору в любых условиях обстановки. Провозглашаются также такие задачи как поддержание потенциала ядерного сдерживания в установленной степени готовности, комплексное оснащение современными образцами вооружения, военной и специальной техники стратегических ядерных сил.

В Стратегии национальной безопасности в части угроз отмечены: «политика ряда ведущих зарубежных стран, направленная на достижение преобладающего превосходства в

⁴ Военная доктрина Российской Федерации. 5 февраля 2010 г. (http://news.kremlin.ru/ref_notes/461).

военной сфере, прежде всего в стратегических ядерных силах, путем развития высокоточных, информационных и других высокотехнологичных средств ведения вооруженной борьбы, стратегических вооружений в неядерном оснащении, формирования в одностороннем порядке глобальной системы противоракетной обороны и милитаризации околоземного космического пространства»⁵. Это способно привести к новому витку гонки вооружений, а также распространению ядерных, химических, биологических технологий, производству оружия массового уничтожения либо его компонентов и средств доставки.

Указывается, что негативное воздействие на состояние военной безопасности Российской Федерации и ее союзников усугубляется отходом от международных договоренностей в области ограничения и сокращения вооружений, а также действиями, направленными на нарушение устойчивости систем государственного и военного управления, предупреждения о ракетном нападении, контроля космического пространства, функционирования стратегических ядерных сил, объектов хранения ядерных боеприпасов, атомной энергетики, атомной и химической промышленности, других потенциально опасных объектов.

В связи с этим отмечается, что «главной задачей укрепления национальной обороны в среднесрочной перспективе является переход к качественно новому облику Вооруженных сил Российской Федерации с сохранением потенциала стратегических ядерных сил ...»⁶.

Сравнивая Военную доктрину и Стратегию национальной безопасности в части военных, в том числе ядерных угроз, можно отметить оперативную «гибкость» реагирования их трактовки на внешние условия. Например, в Стратегии в качестве угроз отмечаются превосходство «ведущих зарубежных государств» в стратегических ядерных силах и отход от «международных договоренностей в области

⁵ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. 13 мая 2009 г.

(http://www.president.kremlin.ru/ref_notes/424).

⁶ Там же.

ограничения и сокращения вооружений», отсутствующие в Военной доктрине. Это можно объяснить тем, что в мае 2009 г. перспектива заключения нового Договора по СНВ между Россией и США была менее определенной, чем в феврале 2010 г. в период интенсивных переговоров, когда появилась уверенность в том, что в конце концов новый Договор по СНВ, уравнивающий стратегические ядерные потенциалы России и США, будет подписан и вступит в силу.

Эволюция ядерной доктрины РФ. Представляет интерес эволюция ядерной доктрины России, начиная с 1993 г., когда были утверждены «Основные положения военной доктрины Российской Федерации». В них продекларировано, что «Российская Федерация не применит свое ядерное оружие против любого государства – участника Договора о нераспространении ядерного оружия, кроме как в случаях:

а) вооруженного нападения такого государства, связанного союзным соглашением с государством, обладающим ядерным оружием, на РФ, ее территорию, ВС и другие войска или ее союзников;

б) совместных действий такого государства с государством, обладающим ядерным оружием, в осуществлении или поддержке вторжения или вооруженного нападения на РФ, ее территорию, ВС и другие войска или на ее союзников»⁷.

История ее появления относится к концу 60-х годов минувшего века и связана с усилиями по укреплению режима Договора о нераспространении ядерного оружия путем предоставления гарантий безопасности неядерным странам, подписавшим или намеревавшимся подписать этот Договор.

С тех пор эта формулировка, называемая для краткости «негативными гарантиями» безъядерным странам, с незначительными вариациями повторялась представителями официальных членов ядерного клуба. Однако общей формулы негативных гарантий ни на Женевской конференции по разоружению, ни в ООН согласовать не удалось. Поэтому «негативные гарантии» существуют до настоящего времени с

⁷ Основные положения военной доктрины Российской Федерации (изложение)// Красная Звезда. 19.11.1993.

формулировками, аналогичными содержащейся в Основных положениях военной доктрины РФ 1993 г., в односторонних заявлениях МИД РФ, США, Великобритании и Франции. Но ни в одной доктринальной установке этих стран, кроме России, подобных формулировок не было и нет.

В «Военной доктрине Российской Федерации» в 2000 г. появились новые условия применения ядерного оружия: "Российская Федерация оставляет за собой право на применение ядерного оружия в ответ на использование против нее ядерного и других видов оружия массового поражения, а также в ответ на ширококомасштабную агрессию с применением обычного оружия в критических ситуациях для национальной безопасности РФ"⁸.

Эта формулировка по существу воспроизвела принципы ядерной стратегии, много лет исповедуемые США, Великобританией и Францией. Эти государства никогда не отрицали намерения применить первыми ядерное оружие в условиях значительного превосходства стран Варшавского договора во главе с СССР в силах общего назначения. После 1991 г. НАТО стала обладать явным превосходством в силах общего назначения и, кроме того, намеревалась расширить зону ответственности альянса. Вместе с тем, по настоянию тогдашнего руководства МИД РФ, «негативные гарантии» были сохранены как дань преемственности ядерной политики России.

В новой Военной доктрине от 2010 г. основное условие применения Россией ядерного оружия подверглось, казалось бы, незначительной по форме, но важной по смыслу корректировке. В конечной ее части вместо слов «в ответ на ширококомасштабную агрессию с применением обычного оружия в критических ситуациях для национальной безопасности РФ», сказано: «в случае агрессии против Российской Федерации с применением обычного оружия, когда под угрозой поставлено само существование государства»⁹.

⁸ Военная доктрина Российской Федерации. 21 апреля 2000 г. (<http://www.mil.ru/articles/article3923.shtml>).

⁹ Военная доктрина Российской Федерации. 5 февраля 2010 г. (http://news.kremlin.ru/ref_notes/461).

Последняя формулировка, во всяком случае на декларативном уровне, повышает порог применения ядерного оружия.

Проблема закрытости информации. Следует констатировать, что в целом представление о ядерной политике России во всех трех, начиная с 1993 г., военных доктринах носит фрагментарный характер и не дает возможности оценить ее в достаточно полном и законченном виде. Реальная ядерная политика заключается не столько в декларативных формулировках, связанных с угрозами и условиями применения ядерного оружия, сколько в принятых программах поддержания и развития стратегической ядерной триады, нестратегического ядерного оружия и ПРО, с конкретным финансированием всех составляющих, с уровнем их боевых возможностей (оперативных и технических характеристик), с этапами вывода и ввода в боевой состав вооружений.

Все эти данные должны содержаться в принимаемых государственных программах вооружения на 10 лет, однако в России они традиционно имеют высокий гриф секретности и не представляются даже на закрытых заседаниях комитетов Государственной думы и Совета Федерации при обсуждении государственных оборонных заказов на очередной год. При этом показательно, что нынешние депутаты, видимо, сами не проявляют интереса к получению и оценке такой информации.

В этом отношении то, что называется ядерной политикой России, в большой степени отличается, например, от ядерной политики США, отражаемой в четырехлетних ядерных обзорах, в которых всегда представлены все детали состояния и планов развития ядерных вооружений и обеспечивающих систем, финансирование которых обсуждается и принимается Конгрессом. Этот хронический российский недостаток лишь частично и в минимальной степени компенсируется данными, которые можно почерпнуть из отдельных и часто противоречивых заявлений официальных представителей Министерства обороны и ОПК.

Так, например, появляется информация о вводе в боевой состав в ближайшие 10 лет четырех подводных ракетноносцев проекта 955 с БРПЛ «Булава» и еще четырех в дальнейшем. При этом данные о требуемых для этого ассигнованиях и

подтверждение реальности таких планов не представляются. Противоречивы сроки вывода из боевого состава ракетных войск стратегического назначения (РВСН) остающихся на дежурстве «тяжелых» ракет РС-20 и баллистических ракет, отнесенных к «легкому» типу РС-18 (от 2016 до 2020 г.). Еще больше размыты перспективы разработки нового авиационного стратегического комплекса для замены тяжелых бомбардировщиков (ТБ) Ту-95МС. В то же время заявлено о разработке новой «тяжелой» баллистической ракеты, что представляется явным стратегическим просчетом.

О текущем составе российской ядерной триады можно было узнать главным образом по результатам обмена данными между РФ и США в соответствии с Договором СНВ-1.

Представление о реальной ядерной политике России в том понимании, каком она существует и открыто объявлена в развитых ядерных демократических государствах, получить достаточно сложно. Причина этого заключается в ее излишней закрытости не только для общественности и независимых экспертов, но и основного законодательного органа государства. Принципы ядерного сдерживания, которых придерживается Россия, и основной инструмент этих принципов – стратегические и нестратегические ядерные силы, их состояние и перспективы развития, требует более высокой степени прозрачности. Это особенно важно в условиях договорных отношений с США по сокращению СНВ, по возможным консультациям об ограничении нестратегических ядерных вооружений, по сотрудничеству в сфере ПРО, что непосредственно отражается на возможностях дальнейших сокращений ядерного оружия.

Самое важное, что отход от тоталитарной закрытости принятия решений и развитие демократии в России неотделимо от гораздо большей открытости военной политики и военного строительства, включая их ядерную составляющую. Парламент и общество имеют право знать и понимать, как и на что тратятся крупные финансовые средства, материальные и интеллектуальные ресурсы государства, насколько они укрепляют обороноспособность страны и снижают вероятность самой страшной для нее катастрофы – ядерной войны. При

этом «больше» отнюдь не всегда означает «лучше». Например, парламенту не мешало бы поинтересоваться, во сколько обойдется (с учетом вероятного превышения сметы, как в случае с ПЛАРБ проекта 955 и БРПЛ «Булава-30») намеченная разработка, испытания, производство и развертывание новой системы тяжелой МБР, против кого она предназначена и какова будет ее уязвимость в стационарных шахтных пусковых установках (ШПУ) для ядерного или обычного высокоточного оружия возможного противника. Также не вредно было бы оценить, сколько на эти средства можно было бы вместо тяжелой МБР развернуть полностью отработанных мобильных и стационарных МБР с РГЧ типа «Ярс» и (или) насколько можно было бы повысить эффективность систем СПРН (включая космические) и боевого управления СЯС.

Все это требует достаточно широкой и открытой дискуссии и независимых экспертных оценок для того, чтобы избежать стратегических просчетов. Такие просчеты в условиях полной закрытости процесса формирования политики имели место, например, в 2000–2001 гг. при решении о резком свертывании сил наземных МБР и программ их обновления. И эти ошибки могут повториться в случаях с новой тяжелой МБР или с возможным выходом из Договора по РСМД от 1987 г.

Это необходимо и для того, чтобы приступить, наконец, к трансформации такого наследия холодной войны как взаимное ядерное сдерживание, которое препятствует консолидации усилий двух ядерных сверхдержав в противодействии новым реальным угрозам. О том, что взаимное ядерное сдерживание не отвечает интересам России и США, сказано в упоминавшейся выше статье четырех авторитетных российских деятелей¹⁰. Это отмечено и в резолюции по ратификации Пражского Договора по СНВ Комитета по международным делам Сената США.

¹⁰ См.: Примаков Е., Иванов И., Велихов Е., Моисеев М. Указ. соч.

3. ЭВОЛЮЦИЯ ЯДЕРНОЙ ДОКТРИНЫ НАТО

Эволюция политической ситуации в Европе и за ее пределами влечет за собой и изменение взглядов североатлантического альянса в области ядерного оружия, основные элементы которых традиционно излагаются в документах под названием Стратегическая концепция НАТО. Следует, однако, отметить, что трансформация этих взглядов заметно отстает от позитивных изменений в отношениях России и Запада.

Серьезному учету этих изменений мешает несколько факторов.

Во-первых, нельзя не признать, что отношения России со странами Запада и, особенно, с НАТО носили и в 90-е, и в начале 2000-х годов исключительно нестабильный характер. Это препятствовало созданию устойчивой позитивной тенденции в отношениях, которая бы воплотилась в ряде изданий Стратегической концепции (СК) последних десятилетий – 1991, 1999 и 2010 гг.

Во-вторых, на протяжении всего этого времени в отношениях Запада и России в значительной степени проявлялись «остаточные» элементы (подходы) времен холодной войны. Это находило свое отражение не только в реальных политических действиях, но и в постулатах документов в сфере национальной безопасности.

В-третьих, политические элиты новых членов НАТО не смогли расстаться со своими фобиями в отношении России, которые укоренились в прошлой системе отношений с Москвой постсоветского периода.

Все это создавало условия для появления в стратегических концепциях НАТО противоречивой лексики как в отношении России, так и во взглядах на ядерное оружие.

В общем плане на выработку положений новой СК НАТО на всем протяжении ее формирования фундаментальное воздействие оказывали две группы геополитических реалий. К первой из них следует отнести восприятие уровня

традиционных угроз – в приоритетном порядке, характера и динамики отношений с бывшим потенциальным противником – Россией. Ко второй – уровень оценки так называемых новых вызовов и угроз. В приоритетном порядке это относится к восприятию уровня конфликтности в регионах, прилегающих к Европе, опасностей, связанных с распространением ОМУ и терроризмом.

Следует признать, что западным экспертным сообществом не была снята озабоченность в отношении политической стабильности как внутри России, так и последовательности курса на развитие сотрудничества с НАТО в российской внешней политике.

Об этом, в частности, свидетельствуют положения столь важного документа, специально предназначенного для проработки основных направлений готовящейся СК, каким является доклад «группы мудрецов» под руководством М. Олбрайт – «НАТО 2020». В нем подчеркивается, что «поскольку будущую политику России в отношении НАТО по-прежнему трудно предугадать, то союзники, имея своей целью установление отношений сотрудничества, должны одновременно обезопасить себя от возможности того, что Россия может решить начать проводить более враждебную политику»¹¹. Наиболее же надежной гарантией безопасности, в понимании многих политиков, в современном мире по-прежнему остается ядерное оружие. Похоже, именно подобные доводы лежали в основе соображений в пользу сохранения роли и места ядерного оружия в новой Стратегической концепции НАТО.

Абсолютно точно позиция Брюсселя, выраженная в докладе группы М.Олбрайт, была охарактеризована в интервью заместителя министра иностранных дела РФ А.Грушко. Он подчеркнул, что «в ходе многочисленных консультаций и с альянсом, и с отдельными странами НАТО, и с «мудрецами», мы очень четко рассказывали о нашем видении основных

¹¹ NATO 2020: Assured Security. Dynamic Engagement Analysis and Recommendations of the Group of Experts on a New Strategic Concept for NATO. 17 May. 2010
(http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_63654.htm).

элементов стратегической концепции НАТО. Первое и, пожалуй, главное заключается в том, что НАТО должна уйти от двусмысленности в выработке своего отношения к России. До сих пор для натовской позиции была характерна двойственность: с одной стороны, утверждалось, что Россия – партнер. С другой стороны, в более-менее скрытой форме признавалось, что Россия может представлять собой проблему в области безопасности и даже прямую угрозу»¹².

Через короткое время претензии России получили очередное подтверждение на практике. Благодаря масштабным утечкам информации, появившимся на сайте «Викиликс», достоянием широкой общественности в декабре 2010 г. стали секретные планы НАТО по защите Прибалтики от потенциальной угрозы со стороны РФ. Глава МИД РФ С.Лавров заявил, что подобные обстоятельства позволяют ставить вопрос о том, когда представители НАТО были искренними: когда договаривались о партнерстве или когда обсуждали планы защиты от России¹³.

Подобное отношение к России было характерно для Запада практически на всем протяжении двусторонних отношений. В этом смысле показательно, что примерно в таком же ключе в 90-е годы XX в. высказывались некоторые высокопоставленные представители Госдепартамента США, поясняя, что расширение НАТО нужно на тот случай, если развитие событий в Москве пойдет по негативному сценарию¹⁴.

Все 90-е и 2000-е годы отношения России и НАТО характеризовались постоянными взлетами и падениями. Но главной тенденцией для российского политико-экспертного

¹² Интервью заместителя министра иностранных дел России А.В.Грушко// Интерфакс. 02.10.2010

(<http://www.mid.ru/ns-dos.nsf/8aa6d005cdff4b79432569e70041fdc5/432569d800223f34c32577b200497c2c?OpenDocument>).

¹³ <http://www.rbc.ru/fnews.open/20101210034805.shtml>

¹⁴ См: Ознобищев С. Россия – НАТО: реалистичное партнерство или виртуальное противостояние? // МЭ и МО. 2006. № 1. С.18

сообщества оставалось отрицательное восприятие и озабоченность в связи с расширением НАТО ¹⁵.

Несмотря на оптимистичные заявления официальных представителей НАТО о мерах по налаживанию партнерства с Россией, своеобразный негативный итог построению двустороннего диалога подведен в Военной доктрине РФ 2010 г. Из нее следует, что Москва, по прошествии более 15 лет со времени начала процесса расширения, по-прежнему рассматривает в качестве основной внешней военной опасности «стремление наделить силовой потенциал НАТО глобальными функциями, реализуемыми в нарушение норм международного права, приблизить военную инфраструктуру стран – членов НАТО к границам Российской Федерации, в том числе путем расширения блока»¹⁶. В перечне военных опасностей, указанных в доктрине – эта занимает первое место. По мнению большинства российских экспертов именно бездумная политика расширения НАТО была основным негативным фактором, нанесшим большой вред отношениям России и НАТО.

Определенный прогресс, достигнутый в отношениях России и Запада в современном политическом цикле «Обама–Медведев» очевиден. Однако, представляется, что достигнутых в последнее время позитивных сдвигов недостаточно для того, чтобы заложить основу для кардинального и необратимого изменения отношений между Россией и НАТО, Россией и Западом в целом.

Обращают на себя внимание оценки такого влиятельного российского лидера как председатель правительства В. Путин. В одном из своих интервью в конце лета 2010 г. он выразил уверенность, что сказанное им в своей знаменитой речи в Мюнхене в 2007 г, резко критиковавшей

¹⁵ Подробнее см.: Арбатов А., Дворкин В., Ознобищев С. Отношения России и НАТО (перспективы новой российской архитектуры безопасности, сокращение ядерных потенциалов, ДОВСЕ). М., ИМЭМО РАН. 2010.

¹⁶ Военная доктрина Российской Федерации. 5 февраля 2010 г. (http://news.kremlin.ru/ref_notes/461)

позицию Запада по отношению к России, актуально и по сей день ¹⁷.

Что касается второй группы угроз, то растущая озабоченность в НАТО по этому поводу абсолютно очевидна. Увеличивающаяся опасность распространения ОМУ и терроризма подчеркивается представителями альянса практически постоянно.

В отношении новой Стратегической концепции НАТО у политического и экспертного сообщества были определенные оптимистические ожидания. Но правы оказались те, кто предсказывал, что Брюссель сейчас не решится на сколь-нибудь заметную модернизацию своей ядерной стратегии и, скорее всего, лишь добавит к ней некоторые косметические изменения, отвечающие велению времени (например, о поддержке идеи безъядерного мира).

Полученный результат еще более контрастирует с имевшимися возможностями, если учесть, что подготовка представленного в Лиссабоне документа носила беспрецедентный характер, когда в разных форматах были проведены многочисленные консультации между представителями западных и российских политических и экспертных сообществ относительно основных постулатов будущего документа. К сожалению, найти в новом документе позитивные следы этого интенсивного и уникального диалога достаточно сложно.

Появившийся в итоге документ оказался ниже тех ожиданий, которые были. Более того, он оказался в значительной части составленным из слегка модифицированных положений однажды уже заявленных в предшествовавших изданиях Стратегической концепции 1999 и 1991 гг.

Более того, новая СК 2010 оказалась гораздо более консервативной, чем последний Обзор ядерной политики США, где сказано много нового в отношении стремления Вашингтона к снижению роли ядерного сдерживания в

¹⁷ См.: Владимир Путин: даю вам честное партийное слово// Коммерсантъ. 20.08. 2010 (<http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1495411>).

обеспечении безопасности, готовности к более активным шагам на пути укрепления режима нераспространения, продолжению процесса сокращения и ограничения ядерных вооружений.

Для объективного анализа основных положений новой СК в отношении ядерного оружия весьма иллюстративно сравнить их с аналогичным документом 1999 г. по следующему перечню вопросов.

- Каковы угрозы, для преодоления которых НАТО считает необходимым иметь в своем распоряжении ядерное оружие?
- Пути обеспечения безопасности с помощью ядерного оружия.
- На какие ядерные средства рассчитывает североатлантический альянс в своей стратегии?
- Готовность к переговорам по сокращению и ограничению ЯО.
- Отношения с Россией.

Последний пункт имеет самое непосредственное отношение к ядерному оружию, поскольку НАТО традиционно имела ядерное оружие именно в контексте военных отношений с СССР, а затем – Россией.

Угрозы безопасности. Если исходить из приоритетности порядка упоминания в перечне, представленном в СК, то наиболее важным фактором оказывается то, что можно было бы назвать «ядерной традицией». Буквально в первых строках Стратегии отмечается, что «до тех пор, пока в мире существует ядерное оружие, НАТО останется ядерным альянсом»¹⁸. В СК 1999 г. такое положение отсутствовало, хотя нигде не ставилась под сомнение необходимость обладания ядерным оружием. Следует в тоже время признать, что альянс решил не отставать

¹⁸ См.: Active Engagement, Modern Defence. Strategic Concept for the Defence and Security of the Members of the North Atlantic Treaty Organisation (<http://www.nato.int/lisbon2010/strategic-concept-2010-eng.pdf>).

от последних «модных» новаций в этой сфере, о чем будет сказано ниже.

Обосновывая необходимость поддержания высокоэффективного военного потенциала, в том числе ядерного, авторы СК указывают на тот факт, что современная ситуация в сфере безопасности содержит в себе «широкий и эволюционирующий набор вызовов безопасности НАТО». При этом отмечается, что «угроза нападения с применением обычных средств против НАТО низка», хотя «полностью игнорировать ее нельзя». Те же положения чуть в иной редакции можно видеть и в СК 1999 г. Примерно то же с 90-х годов утверждается в российских документах в сфере национальной безопасности.

Утверждения такого рода представляют собой некий осторожный оптимизм, на грани которого можно оставаться сколь угодно долго, так как само продвижение НАТО к границам России создало гипотетическую возможность вооруженного конфликта с ней напрямую, или на постсоветском пространстве.

Однако трагическим знаменем можно считать то, что акт «катастрофического терроризма» 11 сентября 2001 г. был совершен против самой мощной ядерной державы – Соединенных Штатов Америки. Наряду с прочими последствиями, это событие самым очевидным образом поставило под сомнение адекватность ядерного сдерживания в эпоху после холодной войны – ведь против терроризма бессмысленно бороться с помощью ядерного оружия и сдерживание здесь абсолютно не срабатывает.

Но понимание новизны возникшей ситуации не привело к коренному пересмотру взглядов на ядерное сдерживание в официальных документах «ядерной пятерки». Ядерное оружие сохраняется под разными декларируемыми предлогами, в том числе, имея в виду и наличие террористической угрозы, но в действительности для реализации той же самой базисной схемы сдерживания, которая имела место и во времена холодной войны в которой «ядерный Запад» сдерживал Россию, и наоборот. Многочисленные доказательства сохранения именно такого алгоритма сдерживания

присутствуют как в официальных документах, так и в разработках ведущих экспертов США и России.

Если в соответствующих российских документах последнего времени (Военная доктрина Российской Федерации от 5 февраля 2010 г., Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. от 13 мая 2009 г.) в качестве элемента обоснования рациональности обладания и модернизации собственного ядерного потенциала США подразумеваются, но не упоминаются, то в американских документах наблюдается иная картина. В последнем Обзоре ядерной политики США открыто говорится, что «российские ядерные силы будут оставаться важным фактором в определении того, насколько и как быстро мы (США – авт.) готовы сокращать американские силы»¹⁹.

По оценкам авторитетных американских экспертов в политико-академическом сообществе также широко распространено мнение, что «российское ядерное оружие остается самой большой военной угрозой для Соединенных Штатов»²⁰. Именно такое понимание, свойственное основной ядерной державе Североатлантического союза подпитывает и «проектирование» ядерной политики НАТО. Авторитетный высокопоставленный военный эксперт бригадный генерал К. Виттманн обратил внимание на прямую связь концептуального обоснования в НАТО т.н. «расширенного сдерживания, включающего передовое базирование некоторых систем ядерного оружия США» с наличием «соответствующих систем вооружений у России»²¹.

Все это подтверждает то обстоятельство, что несмотря на происшедшие геополитические и иные изменения Россия

¹⁹ Nuclear Posture Review Report. April 2010
(www.defense.gov/NPR/docs/2010).

²⁰ Toward True Security. A US Nuclear Posture for the Next Decade. Federation of American Scientists, Center for Defense Information, Natural Resources Defense Council, Union of Concerned Scientists. June 2001, P. 14
(<http://www.fas.org/ssp/docs/010600-posture.pdf>).

²¹ Wittmann Klaus. NATO's new Strategic Concept//An Illustrative Draft. September 2010. P.4
(http://www.ndc.nato.int/news/current_news.php?icode=8).

продолжает рассматриваться альянсом в качестве основного «объекта» ядерного сдерживания.

Новая СК уделила значительное внимание и новым угрозам – распространению ядерного и других видов оружия массового уничтожения, а также терроризму, «представляющему прямую угрозу гражданам стран НАТО»²². В этом контексте все чаще упоминается возможность «кибер атак» по критически важным сетям связи, а также констатация роста зависимости от зарубежных энергетических поставок, хотя роль НАТО в предотвращении именно этих опасностях весьма спорна.

В целом, как и в российских документах в сфере национальной безопасности, утверждается, что «альянс не считает какую-либо страну своим противником» – заявление практически буквально повторяющее аналогичный постулат документа 1999 г. Однако, как отмечается, «никто не должен ставить под сомнение решимость НАТО действовать в случае если безопасность любого из ее членов окажется под угрозой»²³.

Пути обеспечения безопасности с помощью ЯО и ядерные средства НАТО. С учетом произошедших за последние 20 лет геополитических и геостратегических перемен в Европе, вполне можно было бы ожидать от НАТО заявления, что на европейском континенте присутствие ядерного оружия альянса преследует исключительно цель сдерживания его применения другими державами. Но вместо этого новая СК изобилует двусмысленностями. В отношении возможности применения в каких-либо сценариях ЯО, отмечается, что обстоятельства, при которых альянсом «может серьезно рассматриваться применение ядерного оружия в высшей степени маловероятны»²⁴. Это весьма важное положение представляет собой, тем не менее, абсолютный повтор формулировки СК 1999 г.

При этом акцентируется, что «безопасность альянса в первоочередном порядке обеспечивается за счет

²² См.: Active Engagement, Modern Defence...

²³ Ibid.

²⁴ Ibid.

стратегических ядерных сил альянса, в особенности находящихся в распоряжении Соединенных Штатов, а также независимых стратегических ядерных сил Объединенного Королевства и Франции, которые, играя собственную сдерживающую роль, осуществляют свой вклад в сдерживание и поддержание безопасности альянса»²⁵ (приведенное заявление является калькой аналогичного положения СК 1999 г.). Для обеспечения полного набора возможностей, необходимых для сдерживания и защиты от угрозы любого рода предусматривается ряд мер. Среди них на первом месте находится уже использованная в документе 1999 г. формула – «поддержание необходимого сочетания ядерных и обычных сил»²⁶.

Для того, чтобы сдерживание выглядело максимально реалистичным, указывается на необходимость самого широкого участия союзников в «коллективном оборонительном ядерном планировании», что предполагает «в условиях мирного времени размещение ядерного оружия», а также участие в согласовании функций управления и связи и совместных консультациях²⁷. Это положение (п. 19, СК 2010 г.) является абсолютно точной копией формулировки, использованной в СК 1999 г. (п. 63)²⁸.

Единственным принципиально новым элементом является акцент на противоракетную оборону. Это обусловлено характером восприятия угроз в области распространения ядерного оружия (в первую очередь – фактором иранской ракетно-ядерной программы), новыми техническими и организационными возможностями, выраженным Вашингтоном стремлением развернуть элементы ПРО в Европе. В определенном смысле архитекторы натовской военной политики повторили идеи известной речи Р. Рейгана марта 1983 г. (положившей начало так называемой Стратегической оборонной инициативе – СОИ) заявив, что альянс будет развивать возможности по защите населения и

²⁵ Ibid.

²⁶ Ibid.

²⁷ Ibid.

²⁸ The Alliance's Strategic Concept. 24 April 1999
(http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_27433.htm).

территории против удара с применением баллистических ракет в качестве «основополагающего элемента коллективной обороны»²⁹.

В этом контексте особое значение приобретает перспектива взаимодействия с Россией, активно продвигающей идею совместной ПРО, начиная со второй половины 90-х годов. Новым элементом стало сделанное заявление, что НАТО будет активно стремиться к сотрудничеству в сфере ПРО с Россией.

Готовность к переговорам. Отношения с Россией. В новой Стратегической концепции подчеркивается, что «НАТО стремится к обеспечению безопасности на возможно максимально низком уровне вооруженных сил» (п. 26). Это тезис с разницей в пару слов был позаимствован из СК образца 1999 г. (п. 40). Такая постановка вопроса наводит на мысль, что за 11 лет в политике НАТО ничего не изменилось. Правда, альянс берет обязательство «создавать условия для дальнейших переговоров в будущем».

В качестве безусловной заслуги альянса отмечается, что со времени окончания холодной войны НАТО «самым решительным образом сократила численность ядерного оружия, размещенного в Европе», равно как и «опору на ядерное оружие в натовской стратегии». Первая часть этого заявления разделяется экспертами, которые предполагают, что кроме ядерных потенциалов Англии и Франции, в Европе сохраняется около 200 бомб свободного падения, дислоцированных в пяти европейских странах.

Однако никаких официальных данных по этому поводу не сообщается. Не касаясь этого вопроса, как и критериев или методики оценок, новая СК неожиданно обращается к тезису о превосходстве в численности тактического ядерного оружия у России и необходимости учитывать это превосходство. Перед НАТО ставится задача «в любых последующих сокращениях добиваться согласия от России на увеличение прозрачности ее ядерного оружия в Европе и на передислокацию этих вооружений» как можно дальше от

²⁹ Ibid.

территории стран – членов НАТО (куда, к территории КНР, Японии? – *авт.*). Такая постановка вопроса выглядит неубедительно и несет чрезмерный политико-пропагандистский налет, что не способствует налаживанию диалога по данной теме.

На этапе обсуждения возможного содержания будущей СК НАТО в политико-экспертном сообществе высказывались сомнения относительно того, решится ли альянс на декларацию цели продвижения к безъядерному миру. Но, по-видимому, после повсеместного признания руководителями большинства стран ядерной пятерки (и, в особенности, России) необходимости совместного движения к такой цели обойти вниманием эту тему было просто неудобно. Тем более что такая декларация не требует от лидеров стран каких-либо срочных действий.

Несмотря на отмеченные выше весьма чувствительные для их восприятия Москвой специфические детали трактовки «российской темы», в новом натовском документе делается попытка вывести отношения с Россией на новый уровень. В практическом плане тема создания совместно с Москвой европейской ПРО не просто заявлена, в документе говорится о решимости альянса интенсифицировать политические консультации и практическое сотрудничество

В этой области отмечается, что сотрудничество НАТО и России имеет стратегически важное значение. Подчеркивается, что альянс не представляет угрозы для РФ. «Наоборот, – говорится в документе, – мы хотим видеть истинное стратегическое партнерство между НАТО и Россией, и мы будем действовать соответствующим образом, с ожиданием ответных действий со стороны России». Здесь же признается, что целям общей безопасности в наилучшей степени отвечает «прочное и конструктивное партнерство, основанное на взаимном доверии, транспарентности и предсказуемости».

Несомненно, что стремление к повышению уровня взаимодействия с Россией можно только приветствовать. Однако президентами России несколько раз заявлялось о возможности ее вступления в НАТО, что представляет собой

гораздо более высокий уровень отношений, чем «стратегическое» или какое-либо иное партнерство.

Президенты РФ, каждый в свое время, в публичных выступлениях в присутствии высокопоставленных представителей Запада абсолютно прозрачно намекали на возможность вступления России в НАТО. В июне 2001 г. после первого российско-американского саммита в ходе совместной пресс-конференции В. Путин напомнил Дж. Бушу, что еще за год до саммита на одной из встреч ему (Путину) был задан вопрос: «Возможно ли, чтобы Россия как-то присоединилась к НАТО?», – на который он ответил: «А почему бы и нет». Вспомнил он и то, что бывший госсекретарь США г-жа Олбрайт, «находясь где-то в командировке в Европе», на это сказала: «Ну, это сейчас не обсуждается»³⁰.

Президент Д. Медведев, выступая в Совете по международным отношениям в ноябре 2008 г. (с той же самой М. Олбрайт в качестве ведущей), заметил, что хотя ситуация пока не вполне располагает к присоединению России к НАТО, «но есть известное выражение "never say never"»³¹. Лидеры Запада и руководство НАТО предпочли пройти мимо этих абсолютно однозначных сигналов, поступивших с самого верхнего уровня российской власти. Сейчас, в новом программном документе НАТО можно было бы ожидать хотя бы предложения приступить к серьезным консультациям по данной теме (как и по вопросу признания ОДКБ и сотрудничества с ней по Афганистану).

В программных документах НАТО нередко и раньше говорилось о партнерстве с Россией и из этого мало что следовало. Призыв к построению «прочного, стабильного и постоянного партнерства» содержался еще в

³⁰ Совместная пресс-конференция с Президентом Соединенных Штатов Америки Джорджем Бушем. 16 июня 2001 г., Люблина (<http://president.kremlin.ru/text/appears/2001/06/28562.shtml>).

³¹ Встреча с представителями Совета по международным отношениям. 16 ноября 2008 г. Вашингтон (http://www.president.kremlin.ru/appears/2008/11/16/0526_type63376type63377type82634_209249.shtml).

Основополагающем акте Россия–НАТО, принятом в 1997 г.³² На деле же отношения нередко значительную часть времени пребывали в состоянии либо напряженности, либо кризиса и от реального партнерства были весьма далеки.

Одним из главных препятствий на пути к нормальному сотрудничеству (не говоря уже о партнерстве) на протяжении более чем 15 лет являлась политика расширения НАТО на восток. За все это время озабоченности России ни разу (!?) не были восприняты на официальном уровне как заслуживающие внимания, а тем более обсуждения. И новый документ не добавил никаких изменений в позицию Брюсселя по этому вопросу. В СК с одобрением говорится, что «расширение НАТО внесло заметный вклад в обеспечение безопасности союзников; перспективы дальнейшего расширения и приверженность идее совместного обеспечения безопасности сделали вклад в дальнейшее расширение стабильности в Европе». Такой тезис, с точки зрения Москвы, просто ошибочен, если смотреть на ситуацию в Европе объективно, тем более, если рассматривать отношений с Россией как неотъемлемую часть обеспечения стабильности на континенте.

Конечно, продвижение на пути к реальному партнерству будет серьезно способствовать не только позитивным изменениям во взаимоотношениях НАТО и России, но и конструктивному диалогу Брюсселя и Москвы в сфере сокращения и ограничения ядерных вооружений, трансформации ядерных стратегий сторон. Процесс этот, однако, далеко не «линейный» и не однозначный – достаточно вспомнить сколько раз двусторонние отношения «замораживались» в связи с различного рода кризисными ситуациями. Собственно, очередная «разморозка» отношений (после «грузинского конфликта» августа 2008 г.), как раз произошла на саммите в Лиссабоне в ноябре 2010 г., когда и была принята последняя Стратегическая концепция альянса.

³² См.: Основополагающий Акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического договора. Париж, 27 мая 1997 г. (<http://www.kadis.ru/texts/index.phtml?id=17915&PrintVersion=1>).

Таким образом, новая СК НАТО по-прежнему декларирует приверженность альянса традиционному ядерному сдерживанию в качестве основы безопасности с полным сохранением «трансатлантической связки» – ядерных гарантий со стороны США. Более того, в «ядерной части» СК практически нет ничего нового – почти все положения, связанные с ядерным оружием, повторяют СК 1999 г. Создается впечатление, что в связи с ростом числа членов альянса, внутри НАТО не удалось выработать консенсуса в отношении ряда новых формулировок (прежде всего, это касается вопросов ядерного оружия), что и предопределило их сохранение в прежнем виде.

В России не воспринимают новый документ как новую страницу в отношениях, поскольку его лексика мало отличается от предшествовавших документов и заявлений.

Для кардинального изменения наших отношений необходима реализация практических начинаний, заявленных на саммите Россия–НАТО в Лиссабоне. В итоге встречи Д.Медведева и А.Расмуссена были даны конкретные поручения, в частности, по разработке всеобъемлющего совместного анализа будущих рамочных условий сотрудничества в области противоракетной обороны и по конкретизации мероприятий взаимодействия в отношении общих вызовов безопасности XXI века³³. Выполнение этих поручений может способствовать эволюции как ядерной стратегии НАТО, так и соответствующих российских документов, их отходу от постулатов холодной войны. Что касается принятой в Лиссабоне новой Стратегической концепции НАТО, то уже сейчас ясно, что она вряд ли может способствовать позитивной трансформации ядерной стратегии НАТО.

³³ См.: Заседание Совета Россия–НАТО. 20 ноября 2010 г., Лиссабон (<http://www.president.kremlin.ru/news/9568>).

4. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЯДЕРНЫХ ДОКТРИН СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВ

Военные доктрины государств, включая их ядерный аспект, как правило, имеют двоякую природу. С одной стороны, они являются руководством к действию для своих вооруженных сил и оборонного комплекса, определяя характер и степень вероятности возможных войн и конфликтов, цели и задачи собственных военных действий, необходимые для них принципы боевой подготовки и программы технического оснащения армии и флота. С другой стороны, доктрины являются «посланием» другим странам (вероятным противникам и союзникам) и содержат предупреждение первым и гарантии вторым, объясняя при каких условиях и каким образом государство готово пойти на применение военной силы. Накопление ядерного оружия в годы холодной войны повлекло осознание неприемлемости его широкомасштабного применения. Это поставило на приоритетное место содержания доктрин определение путей сдерживания противников от использования ядерного оружия, то есть предотвращения ядерной войны как в результате преднамеренного нападения, так и в итоге эскалации военных действий с применением других вооружений и сил.

Соотношение названных двух аспектов военных доктрин у различных государств неодинаковое. И даже у одной и той же страны оно может со временем изменяться. Так у СССР официальная военная доктрина носила преимущественно пропагандистский характер и имела мало общего с реальной военной стратегией и оперативными планами. У нынешней России эта взаимосвязь гораздо более осязаема, хотя (а, возможно, именно поэтому) не избавляет военную доктрину от ряда внутренних противоречий.

Доктрины ядерных государств поддаются систематизации, несмотря на все многообразие официальных стратегических концепций, большие различия в степени их политико-пропагандистской направленности, а также в том, в какой мере они отражают реальное планирование применения ЯО.

Ядерная стратегия ведущих государств. С точки зрения условий, при которых считается оправданным применение ядерного оружия, дело обстоит следующим образом. Новые доктринальные документы РФ и США, принятые в 2010 г. определяют это весьма схожим образом.

США. Как гласит новая американская доктрина, «фундаментальная роль ядерного оружия США, пока существует ядерное оружие, состоит в сдерживании ядерного нападения на США, их союзников и партнеров». Соединенные Штаты «будут рассматривать возможность применения ядерного оружия только в крайних обстоятельствах для защиты жизненно важных интересов США, их союзников и партнеров». Будет снижаться роль ЯО в сдерживании нападения с применением обычного, химического или биологического оружия. Соединенные Штаты «готовы объявить, что не будут использовать и угрожать использованием ядерного оружия против неядерных государств, которые являются участниками ДНЯО и выполняют свои обязательства по нераспространению»³⁴. Правда, это обязательство не относится к ядерным державам и странам, нарушающим ДНЯО.

Видимо, подразумевая союзнические гарантии безопасности Японии и Южной Кореи, США сохраняют вариант ядерного ответа на нападение с использованием обычного оружия или других видов ОМУ (как сказано, «для узкого набора сценариев»). Иными словами, допускается применение ЯО не только в глобальном масштабе (как основа сдерживания ядерного нападения на США), но и для сдерживания на региональном уровне: как ответ на нападение на союзников с применением ядерного оружия, а в отдельных

³⁴ Nuclear Posture Review Report. April 2010. Wash., DC., 2010. P. VIII.

случаях и в качестве реакции на нападение с использованием других видов ОМУ или обычных вооружений и сил.

Поэтому США «не готовы в настоящее время принять безоговорочную политику сдерживания ядерного нападения как единственного предназначения ядерного оружия, но будут действовать в направлении создания условий, при которых такая политика могла бы быть безопасно принята»³⁵.

Россия. Современная российская военная доктрина указывает: «Российская Федерация обеспечивает постоянную готовность Вооруженных Сил и других войск к сдерживанию и предотвращению военных конфликтов, к вооруженной защите Российской Федерации и ее союзников в соответствии с нормами международного права и международными договорами Российской Федерации... Недопущение ядерного военного конфликта, как и любого другого военного конфликта, – важнейшая задача Российской Федерации»³⁶.

Порядок применения ЯО определен следующим образом: «Российская Федерация оставляет за собой право применить ядерное оружие в ответ на применение против нее и (или) ее союзников ядерного и других видов оружия массового поражения, а также в случае агрессии против Российской Федерации с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства»³⁷.

Иными словами, во-первых, ядерные силы России предназначены для ответного ядерного удара в качестве возмездия за ядерный удар противника по России и (или) ее союзникам. Во-вторых, – для первого ядерного удара в ответ на нападение на РФ и ее союзников с использованием химического, бактериологического или радиологического оружия. В-третьих, – для первого ядерного удара перед лицом неминуемой национальной катастрофы в результате нападения на Россию (но не на ее союзников) с использованием обычных вооруженных сил и вооружений. Последнее, очевидно, адресовано угрозам, проистекающим от превосходства

³⁵ Ibid.

³⁶ Военная доктрина Российской Федерации. 5 февраля 2010 г. (http://news.kremlin.ru/ref_notes/461).

³⁷ Там же.

расширившейся НАТО по силам общего назначения и по высокоточным обычным вооружениям, и, возможно, вероятным опасностям меняющейся не в пользу РФ стратегической ситуации на востоке.

По сравнению с предыдущей официальной российской Военной доктриной от 2000 г., обращает на себя внимание более сдержанная, консервативная трактовка возможности первого применения ЯО в ответ на агрессию с использованием обычного оружия. Характерно, что в новой доктрине нет ряда «новаций» начала десятилетия, в частности, постановки задачи «деэскалации агрессии... угрозой нанесения или непосредственно осуществлением ударов различного масштаба с использованием обычных и/или ядерных средств поражения». Нет и концепций «дозированного боевого применения отдельных компонентов Стратегических сил сдерживания», демонстрации решимости путем «повышения уровня их боевой готовности, проведения учений и изменения дислокации отдельных компонентов»³⁸.

Внимание комментаторов, особенно зарубежных, вызвал следующий пассаж новой доктрины: «В случае возникновения военного конфликта с применением обычных средств поражения (крупномасштабной войны, региональной войны), ставящего под угрозу само существование государства, обладание ядерным оружием может привести к перерастанию такого военного конфликта в ядерный военный конфликт»³⁹.

Смысл этого положение не вполне ясен. Если имеется в виду возможность применения ядерного оружия в региональной войне ядерными государствами в Южной Азии, на Ближнем или Дальнем Востоке, то эта констатация не вызывает сомнения. Однако, поскольку она содержится в Военной доктрине России, постольку явно не хватает определения того, какую опасность это создает для РФ и какова будет ее военная реакция на подобные события.

³⁸ Актуальные задачи развития Вооруженных Сил Российской Федерации. Министерство обороны. М., 2003. С. 42.

³⁹ Военная доктрина Российской Федерации. 5 февраля 2010 г. (http://news.kremlin.ru/ref_notes/461).

Если же подразумевается возможность применения ЯО Россией в региональном конфликте (как это истолковали многие эксперты), то не совсем понятно, как региональный конфликт, пусть даже на постсоветском пространстве, поставит «под угрозу само существование государства», то есть России. Тем более это не может относиться к вооруженному столкновению РФ с другими державами в отдаленных регионах (скажем, в Латинской Америке, зоне Персидского залива или в Юго-Восточной Азии). Далее, если речь идет о конфликте России с НАТО или США и их союзниками на Дальнем Востоке, то такой катаклизм по определению не был бы региональным, а сразу приобрел бы глобальный характер. Нельзя представить себе войну с США и их союзниками в Евро-Атлантическом регионе при сохранении мира на Тихом океане. Наконец, конфликт с другими странами на постсоветском пространстве или в прилегающих регионах не может поставить «под угрозу само существование» России.

Правда, есть одно исключение: гипотетическая война с Китаем. Она имела бы региональный характер, была бы чревата поражением РФ в обычных боевых действиях и могла бы поставить «под угрозу само существование государства» в случае потери территорий Дальнего Востока и Сибири. Для предотвращения этого вполне можно представить себе применение Россией ядерного оружия.

Впрочем, отнюдь не очевидно, что авторы новой доктрины вкладывали некий подспудный смысл в ее положения, в частности, не упоминая возможность применения ЯО в случае агрессии с применением обычных вооружений и сил против союзников РФ или допуская возможность ядерного удара в региональной войне с Китаем. Вполне вероятно, что процесс коллективного творчества военных теоретиков и заинтересованных ведомств, перегруженность документа схоластическими и не относящимися к его жанру тезисами привели к появлению в окончательном тексте двусмысленностей, противоречий и дали повод для логических интерпретаций, которые оказались бы неожиданными для самих авторов Доктрины.

Китай – единственная из великих держав, которая на официальном уровне имеет обязательство о неприменении ЯО первым, причем без всяких оговорок. Обычно считается, что ядерная держава, принявшая обязательство о неприменении ЯО первой, опирается на концепцию и средства ответного (второго) удара. Однако, по общепринятым оценкам, в настоящее время китайские СЯС, равно как и системы предупреждения о ракетном нападении, инфраструктура пунктов боевого управления и связи слишком уязвимы, чтобы обеспечить возможность ответного удара после гипотетического разоружающего ядерного удара США или России.

Поэтому официальную доктрину КНР трактуют как преимущественно политико-пропагандистский инструмент (вроде советского обязательства о неприменении ЯО первым от 1982 г.), не отражающий реального оперативного планирования СЯС, которые в действительности нацелены на упреждающий удар. Впрочем, в обозримом будущем программы модернизации ядерных сил Китая будут объективно увеличивать его высокоживучий потенциал ответного удара при условии повышения неуязвимости носителей ЯО на стартовых позициях, систем СПРН, боевого управления и развития надежных систем предотвращения несанкционированного применения (которые позволят отказаться от раздельного хранения носителей и боеголовок).

Систематизация ядерных доктрин. Что касается использования ЯО в ответном (втором) ударе после ядерного нападения противника, то следует сказать, что все ядерные государства готовы применить ЯО в ответ на нападение на них с применением ядерного оружия. США и Россия намерены прибегнуть к ЯО в случае нападения и на их союзников с применением ЯО.

Относительно применения ядерного оружия первыми картина выглядит следующим образом:

– Россия, Франция, Индия (и, видимо, Израиль) допускают применение ЯО в ответ на нападение на них с использованием других видов ОМУ (химическое, бактериологическое и радиологическое оружие);

– Россия предполагает применение ядерного оружия в случае нападения на ее союзников с использованием других видов ОМУ. В новой американской ядерной доктрине, опубликованной в апреле 2010 г., не предусматривается применения ЯО в ответ на использование других видов ОМУ против США и их союзников (кроме, видимо, защиты Японии и Южной Кореи, которых беспокоит угроза такой агрессии со стороны КНДР);

– Россия, Пакистан (и, наверняка, Израиль) готовы использовать ядерное оружие при угрозе своего катастрофического поражения в войне с применением противником только обычных вооруженных сил и вооружений;

– Великобритания и Франция и до 2010 г. США (в рамках стратегии НАТО) допускали использование ЯО для предотвращения поражения своих сил общего назначения. Новая ядерная доктрина США не предусматривает применения ядерного оружия в таком сценарии;

– все державы, кроме КНР и Индии, «по умолчанию» допускают применение ЯО в упреждающем ударе для уничтожения ракет и иных носителей ОМУ пороговых стран, особенно нарушающих ДНЯО;

– США раньше допускали избирательное применение ЯО против объектов террористов и в других ситуациях по своему усмотрению, но в новой доктрине об этом не упоминается;

– Россия может, видимо, применить ЯО в ответ на удары с использованием обычного оружия против ее стратегических сил, систем СПРН, пунктов государственного управления, ядерных и других критически опасных и важных объектов, жизненно важных объектов промышленности и инфраструктуры.

Во всех случаях цели возможных ядерных ударов будут на территории противника, союзных ему стран, особенно тех, в которых размещено ядерное оружие противника, а также его объекты, базы и войска за рубежом.

Первый ядерный удар. Готовность держав к первому применению ядерного оружия определяет придание ему роли не только инструмента сдерживания, но и орудия реального

ведения войны и достижения в ней успеха, что бы под ним ни подразумевалось. Первое применение ЯО – это гораздо больше, чем ядерное сдерживание, или, во всяком случае, весьма широкая трактовка концепции сдерживания (включая превентивный удар).

В отличие от потенциала сдерживания, который подразумевает ответный ядерный удар, концепция первого удара обычно ассоциируется со стратегией разоружающего (контрсилового) удара. Кроме того, первый ядерный удар может рассматриваться как необходимость для противодействия превосходящим силам общего назначения противника или как вынужденная мера для ухода от разоружающего удара оппонента (упреждающий удар).

Следует оговориться, что величина акцента на первое применение ядерного оружия не обязательно прямолинейно свидетельствует об агрессивности общей военной и, в целом, внешней политики тех или иных государств. Ядерная стратегия, при всей ее важности, – лишь элемент общей сложнейшей и динамичной картины глобальной и региональной экономики, политики и военного соотношения сил.

Тем не менее, если попытаться ранжировать современные ядерные державы по степени их готовности к первому применению ЯО, как исходя из их официальных доктрин, так и в свете их объективной геостратегической ситуации и вероятного оперативного планирования, то открывается следующая панорама.

Наиболее наступательный характер (исключительно опора на первый удар) в силу как стратегической необходимости, так и технических характеристик, состава и структуры имеют потенциалы Израиля и Пакистана.

Второе место по этому критерию, видимо, занимает Россия. Ее относительная ядерная мощь в проекции на гипотетических противников (НАТО, Китай, американо-японский союз) будет в перспективе снижаться, но ее отставание по силам общего назначения (СОН), новейшим неядерным вооружениям и региональная уязвимость создают стимул для концепций и планирования первого ядерного удара.

На третьем месте условно стоят США. В силу их объективного положения и военного потенциала, они не имеют серьезных стимулов к первому применению ЯО. Однако их доктринальные установки, обязательства союзникам и огромное превосходство по контрсилловому ядерному потенциалу определяют сохранение концепции первого удара и в новой Военной доктрине от 2010 г.

Далее следует Индия с ее обязательством о неприменении ЯО первой. На деле, судя по всему, она будет и впредь стремиться поддерживать способность нанести разоружающий удар по Пакистану, но будет уязвима для контрсиллового удара со стороны КНР. Обязательство о неприменении, видимо, преследует цель не провоцировать ни КНР, ни Пакистан на упреждающий удар, тем более что с Пакистаном Индия может справиться с применением только обычных вооружений и сил.

Пятое место можно отдать Китаю. Он декларативно и безоговорочно принял обязательство о неприменении ЯО первым, однако перед лицом превосходящих сил США и России китайский потенциал ответного удара (соответствующий его декларации) выглядит пока сомнительным. Со временем, однако, Китай, несомненно, обретет такой потенциал в отношении США и РФ, а также повысит наступательные (контрсилловые) возможности своих СЯС в отношении Индии, а впоследствии, возможно, и России.

На шестом месте стоит Франция, доктрина которой весьма агрессивно делает упор на «расширенное ядерное сдерживание», включая при разных обстоятельствах и первый удар, но реальные ядерные силы которой, как и ее геостратегическое положение (в центре зоны НАТО) не подразумевают ни способности, ни необходимости такой «ядерной позы».

На последнем, седьмом, месте находится Великобритания, в которой несколько лет назад серьезно обсуждалась возможность полного отказа не просто от первого удара, но вообще от ядерного оружия. Имея сходные с Францией положение и потенциал, Лондон, в противоположность Парижу, весьма туманно трактует

концепцию первого удара, не видя в ней необходимости, но и не желая создавать дополнительные политические осложнения для НАТО и США.

Наконец, Северная Корея пока не вписывается в представленный стратегический диапазон, поскольку, видимо, не создала еще компактных ядерных боезарядов для ракетных или авиационных носителей. Ее потенциал в большей степени можно характеризовать как «провокационный» или «диверсионный» (то есть доставляемый нетрадиционными носителями вроде гражданских судов или самолетов).

Несомненно, все ядерные государства считают ЯО законной и незаменимой опорой и защитой своей безопасности и безопасности союзников, а также атрибутом особого статуса и политического влияния в мире. Каждое из них выдвигает для этого «неотразимые», во всяком случае, со своей точки зрения, аргументы. В то же время, любые заявки на право обладания ядерным оружием, которые могут исходить от других стран, они считают необоснованными, неприемлемыми и опасными.

Таким образом, окончание холодной войны не уменьшило, а, скорее, увеличило и узаконило неравенство ядерных и неядерных государств. В военной стратегии большинства ядерных государств был не повышен, а наоборот, понижен «ядерный порог» (то есть критический уровень условий, при которых может быть применено ЯО), не говоря уже об отказе от концепции первого ядерного удара и, тем более, от ядерного сдерживания как такового.

Диапазон ядерных задач. В военно-политическом плане те или иные страны связывают с ядерным оружием пять основных политических задач в различных комбинациях:

- (1) престиж и статус в мировой политике (все восемь ядерных государств, кроме Израиля);
- (2) предотвращение ядерного нападения (ныне все восемь стран, возможно, за исключением Израиля);
- (3) сдерживание и парирование нападения с использованием других видов вооружений и вооруженных сил (шесть государств, кроме КНР и, с оговорками, США и Индии);
- (4) гарантии безопасности и влияние на союзников (Россия, США, Великобритания и Франция);

(5) «козырь» для размена на уступки других стран на переговорах по иным темам (Россия, КНДР, в будущем, возможно, Израиль).

Понятно, что приведенные соображения и материальные интересы образуют связанные с ЯО политические и лоббистские внутренние группы давления, которые, как правило, превращаются в дополнительный проядерный фактор внутреннего порядка.

В приведенной ниже таблице (см. Приложение 1) эти цели схематично представлены и распределены по ядерным государствам с несколько более подробной детализацией. При этом термин «предотвращение» нападения, очевидно, может подразумевать планирование как ответного, так и упреждающего удара, а термин «отражение» нападения может трактоваться или как успешная защита от агрессии с применением ЯО – или в смысле эскалации военных действий на более высокий (ядерный) уровень противоборства. Оговорки США о сохранении ядерного сдерживания против нападения на союзников с использованием противником других видов ОМУ относятся к сценарию агрессии Северной Кореи против Японии и Южной Кореи. Знаки вопроса означают неясность или двусмысленность официальной доктрины государства или вероятность ее изменения в будущем.

Как видно из таблицы, те или иные страны ставят разные комбинации задач перед своим ядерным оружием. Только Россия в настоящее время имеет полный набор этих задач в своей ядерной стратегии. Эти российские обстоятельства и доктринальные положения необходимо учитывать в планировании долгосрочной и реалистической политики движения к безъядерному миру. Не сняв указанные препятствия путем соглашений или иных мер, нельзя далеко продвинуться на этом пути.

Но и Москве нужно осознать, что без такого движения будет неизбежно продолжаться распространение ЯО, равно как и научно-технический прогресс в других военных сферах. Оба эти процесса, в конечном итоге, выхолостят способность

ядерного оружия выполнять ныне возлагаемые на него Россией задачи.

ВЫВОДЫ

1. основополагающие постулаты ядерных доктрин крайне медленно избавляются от наследия холодной войны, сохраняя в своей основе принятые прежде подходы и, в первую очередь, взаимное ядерное сдерживание. Сегодня этот принцип, оставаясь в официальных документах России и США, других держав, лидеры которых периодически заявляют о построении партнерских отношений, выглядит анахронизмом. В то же время становится все более очевидным, что сдерживание не срабатывает против наиболее опасных угроз современного мира – распространения ядерного оружия и терроризма.

2. Военные доктрины, включая их ядерный аспект, с одной стороны, являются руководством для своих вооруженных сил и оборонного комплекса, определяя характер и степень вероятности возможных войн и конфликтов, цели и задачи собственных военных действий, необходимые для них принципы боевой подготовки и программы технического оснащения армии и флота. С другой – эти документы рассчитаны на их восприятие другими странами (вероятными противниками и союзниками), содержат предупреждение первым и гарантии вторым, объясняя при каких условиях и каким образом государство готово пойти на применение военной силы.

С точки зрения условий, при которых считается оправданным применение ядерного оружия принятые в 2010 г. доктринальные документы РФ и США определяют это более схожим образом, чем раньше.

3. Российская военная доктрина также во главу угла ставит принцип сдерживания и предотвращения военных конфликтов. Исходя из положений Военной доктрины можно сделать вывод, что, во-первых, ядерные силы России предназначены для ответного ядерного удара в качестве возмездия за ядерный

удар противника по России и (или) ее союзникам. Во-вторых, – для первого ядерного удара в ответ на нападение на РФ и ее союзников с использованием химического, бактериологического или радиологического оружия. В-третьих, – для первого ядерного удара в условиях неминуемой национальной катастрофы в результате нападения на Россию (но не на ее союзников) с использованием обычных вооруженных сил и вооружений. Последнее, очевидно, адресовано угрозам, проистекающим от превосходства расширившейся НАТО по силам общего назначения и высокоточным обычным вооружениям, а также вероятным опасностям меняющейся не в пользу РФ стратегической ситуации на востоке.

4. В Соединенных Штатах, согласно их новой доктрине, роль ядерного оружия состоит в сдерживании ядерного нападения на США, их союзников и партнеров. При этом Вашингтон, как утверждается, будет рассматривать возможность применения ядерного оружия только в крайних обстоятельствах для защиты жизненно важных интересов своей страны, союзников и партнеров. Задача сдерживания нападения с использованием сил общего назначения или других видов ОМУ практически снята, хотя и с оговорками. Это обязательство, однако, не относится к ядерным державам и странам, нарушающим ДНЯО, что, по-видимому, подразумевает союзнические гарантии безопасности Японии и Южной Кореи для их защиты от КНДР. В этом контексте США сохраняют вариант ядерного ответа на нападение с использованием обычного оружия или других видов ОМУ.

Тем не менее, учитывая особое геостратегическое положение США и их превосходство над другими державами по всему диапазону вооруженных сил и вооружений (обычных и ядерных), новая американская ядерная доктрина, как представляется, могла бы пойти дальше. Например, заявить о неприменении ЯО первыми против всех ядерных держав – членов ДНЯО, о готовности, на определенных условиях, вывести свои ядерные средства из Европы, о снижении уровня готовности своих СЯС к применению (включая масштаб боевого дежурства ракетных подводных лодок в море), о

стремлении снять озабоченности других держав в связи с развитием американских систем ПРО, высокоточных обычных вооружений большей дальности, космических систем, средств «быстрого глобального удара» и пр.

5. Китай является единственной из великих держав, которая на официальном уровне имеет безоговорочное обязательство о неприменении ЯО первым. Пока что китайские СЯС, равно как и системы предупреждения о ракетном нападении, инфраструктура пунктов боевого управления и связи слишком уязвимы, чтобы обеспечить возможность ответного удара после гипотетического разоружающего ядерного удара США или России. Поэтому официальную доктрину КНР трактуют как преимущественно политико-пропагандистский инструмент, не отражающий реального оперативного планирования СЯС, которые в действительности нацелены на упреждающий удар в случае вывода о неминуемом нападении превосходящих по силам государств. В обозримом будущем программы модернизации ядерных сил Китая будут объективно увеличивать его высокоживучий потенциал ответного удара при условии повышения неуязвимости систем СПРН, боевого управления и развития надежных систем предотвращения несанкционированного применения.

6. Трансформация взглядов НАТО на цели обладания, возможности и задачи применения ядерного оружия заметно отстает от изменений на европейском континенте в отношениях России и Запада.

Значительная часть принципиальных положений новой Стратегической концепции НАТО взяты из предшествовавшей концепции 1999 г. Создается впечатление, что в связи с ростом числа членов альянса внутри НАТО не удалось выработать консенсуса по обновлению ряда доктринальных формулировок, особенно, в отношении ядерного оружия, что и предопределило их сохранение в прежнем виде.

За расплывчатыми формулировками и двусмысленностями, видимо, сказывается недостаток решимости Североатлантического альянса сделать ряд кардинально новых шагов, соответствующих радикальным

изменениям ситуации в Европе и мире за последние двадцать лет. К таким шагам можно было бы, например, отнести заявление о том, что в Европе ядерное оружие исключительно предназначено для сдерживания его применения кем бы то ни было, и, что НАТО никогда не применит его первой.

Выполнение практических задач сотрудничества (в частности, по разработке совместного анализа рамочных условий взаимодействия в области противоракетной обороны и по конкретизации мероприятий практического сотрудничества в связи с общими вызовами безопасности XXI в.) может способствовать дальнейшей эволюции ядерной стратегии НАТО, ее отходу от постулатов холодной войны.

7. В военно-политическом плане те или иные страны связывают с ядерным оружием пять основных целей в различных комбинациях: престиж и статус в мировой политике (все восемь ядерных государств, кроме Израиля); предотвращение ядерного нападения (ныне все восемь стран, возможно, за исключением Израиля); сдерживание и парирование нападения с использованием других видов вооружений и вооруженных сил (шесть государств, кроме КНР и, с оговорками, США и Индии); гарантии безопасности и влияние на союзников (Россия, США, Великобритания и Франция); «козырь» для размена на уступки других стран на переговорах по иным темам (Россия, КНДР, в будущем, возможно, Израиль).

8. Руководство стран, обладающих ядерным оружием, ставит в связи с этим разные комбинации целей своих ядерных сил. Только Россия в настоящее время имеет полный набор этих целей в своей ядерной стратегии. Эти обстоятельства и доктринальные положения необходимо учитывать в планировании долгосрочной и реалистической политики движения к безъядерному миру. Не сняв эти препятствия путем соглашений или иных мер, нельзя далеко продвинуться на этом направлении.

9. Политическим и экспертным кругам России необходимо осознать, что без движения к безъядерному миру будет неизбежно продолжаться как распространение ЯО, так и научно-технический прогресс в других военных сферах (ПРО,

высокоточные стратегические силы в обычном оснащении, космические вооружения и пр.). Оба эти процесса, в конечном итоге, выхолостят способность ядерного оружия выполнять ныне возлагаемые на него Россией задачи.

10. Долгосрочным интересам России (а также Китая) отвечает переход к более высокой степени прозрачности ядерных доктрин и планов, стратегических и нестратегических ядерных сил, их состояния и перспектив развития. Это особенно важно в условиях договорных отношений с США по сокращению СНВ, по возможным консультациям об ограничении нестратегических ядерных вооружений, по сотрудничеству в сфере ПРО.

11. Без постепенной трансформации и в конечном итоге упразднения взаимного ядерного сдерживания невозможен переход к полноценному сотрудничеству и партнерству между Россией и другими ядерными державами, консолидация усилий по противодействию новым угрозам XXI века.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Принятые сокращения

БРПЛ	баллистическая ракета подводных лодок
ВС	Вооруженные силы
ДВЗЯИ	Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний
ДЗПРМ	Договор о запрещении производства расщепляющихся материалов в военных целях
ДНЯО	Договор о нераспространении ядерного оружия
ДОВСЕ	Договор об обычных вооруженных силах в Европе
ИМЭМО РАН	Институт мировой экономики и международных отношений Российской академии наук
МАГАТЭ	Международное агентство по атомной энергии
МБР	межконтинентальная баллистическая ракета
НАТО	Организация Североатлантического договора
ОВД	Организация Варшавского договора
ОДКБ	Организация Договора о коллективной безопасности
ОМУ	оружие массового уничтожения
ООН	Организация Объединенных Наций
ОПК	оборонно-промышленный комплекс
ПЛАРБ	атомная подводная лодка с баллистическими ракетами
ПРО	противоракетная оборона
ПСС	продление срока службы
РВСН	ракетные войска стратегического назначения

РГЧ	разделяющиеся головные части
РГЧ ИН	разделяющиеся головные части индивидуального наведения
РСМД	Договор между СССР и США о ликвидации их ракет средней и меньшей дальности (1987 г.)
СБ ООН	Совет Безопасности ООН
СК	стратегическая концепция
СНВ	стратегические наступательные вооружения
СНВ-1	Договор между СССР и США о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (1991 г.)
СОИ	стратегическая оборонная инициатива
СОН	силы общего назначения
СПРН	система предупреждения о ракетном нападении
СЯС	стратегические ядерные силы
ТБ	тяжелый бомбардировщик
ШПУ	шахтная пусковая установка
ЯО	ядерное оружие
NSP	Nuclear Security Project
NTI	Nuclear Threat Initiative

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Список участников заседания, состоявшегося

21 октября 2010 г. в ИМЭМО РАН

А.А. Дынкин – директор ИМЭМО РАН, академик РАН

А.Г. Арбатов – руководитель Центра международной безопасности (ЦМБ) ИМЭМО РАН, член-корреспондент РАН

И.А. Ахтамзян – доцент кафедры Кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО(У) МИД РФ

В.Г. Барановский – заместитель директора ИМЭМО РАН, член-корреспондент РАН

А.Л. Гозаль – менеджер по развитию разработок и проектов Международного научно-технического центра

П.В. Гончаров – политический обозреватель РИА «Новости»

В. Гудовски – директор Международного научно-технического центра

М.Г. Евтодьева – старший научный сотрудник ЦМБ ИМЭМО РАН

В.Н. Игнатьев – ведущий советник комитета по обороне Государственной думы, капитан 1 ранга (в отставке)

Н.И. Калинина – главный научный сотрудник ЦМБ ИМЭМО РАН

А.Н.Калядин – главный научный сотрудник ЦМБ ИМЭМО РАН.

В.И. Кривожиha – заместитель начальника Управления международных связей Совета Федерации Федерального Собрания РФ

Е.В. Мясников – ведущий научный сотрудник Центра по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии при МФТИ-Университет

В.Е. Новиков – ведущий научный сотрудник Российского института стратегических исследований

С.К. Ознобищев – заведующий сектором ЦМБ ИМЭМО РАН

Т.Г. Пархалина – заместитель директора ИНИОН РАН,
руководитель Центра по изучению проблем европейской
безопасности
А.В. Радчук – советник начальника Генерального штаба ВС
РФ, полковник запаса
Н.П. Ромашкина – доцент Кафедры мировой политики ГУ-
ВШЭ
В.И. Сажин – старший научный сотрудник Института
востоковедения РАН
Е.К. Силин – президент Ассоциации Евроатлантического
сотрудничества
М.В. Стрельцов – советник Департамента по вопросам
безопасности и разоружения МИД РФ
П.В. Топычканов – старший научный сотрудник ЦМБ ИМЭМО
РАН
С.В. Уткин – заведующий сектором ИМЭМО РАН
М.Р. Фулей – приглашенный научный сотрудник в Московском
Центре Карнеги
С.В. Целицкий – научный сотрудник ЦМБ ИМЭМО РАН